

Проклятие Черного Аспида 2

Ульяна Соболева

ГЛАВА 1

Я рисую желтых ящериц, розовых змей,

Безумные облака, в них поющих сирен.

За окном становится небо темней,

Но небо в моих руках, на гладкой поверхности стен.

Эти горы, эти реки, покрытые льдом,

Я их назвала в твою честь, небо закрыла метель.

Раскаленное выйдет солнце потом.

Здесь будут цветы и лес, скоро начнется апрель.

Пожалуйста, будь моим, пожалуйста, будь моим смыслом.

Мы одни на целой земле, в самом сердце моих картин.

Целый мир придуман, целый мир придуманных истин.

Я нуждаюсь в твоём тепле, я хочу быть смыслом твоим.

Я проснулась с туманом в голове и ощущением, что все еще нахожусь в седле. Но я так же помнила, как меня, обессиленную, сняли с лошади и уложили в траву, прикрывая чем-то тяжелым... когда проснулась, увидела на себе плащ Аспида, пропитавшийся кровью и копотью. Если раньше хотелось проснуться от кошмара, то теперь мне было страшно по-настоящему — вдруг очнуться и понять, что нет ничего на самом деле.

Приподнялась, опираясь на локти и вглядываясь в сумрак леса. Рядом костер разожжен, языки пламени лижут темноту, рассыпая вокруг искорки, похожие на огненных светлячков. В панике оглянулась по сторонам, отыскивая взглядом Нияна, но так и не увидела. Вскочила на ноги, ежась от ночной прохлады. Вспомнила, как мы мчались по лесу, рассекая деревья, виляя между ними, перепрыгивая какие-то обрывы или овраги, а я прятала лицо у него на груди и судорожно держалась за ворот куртки, ребра больно давили железные пластины перевязи и тонкие кольца кольчуги. Пропах весь потом, кровью и пламенем. И в висках дикий вопль "моя" пульсирует, бьется, разрывает меня на части от счастья бешеного. Только дорога казалась нескончаемой, и я слышала под ухом, как сердце дракона громко колотится.

А сейчас нет никого рядом. Неужели бросил меня? Передумал и оставил в лесу? Позвала его про себя громко, как обычно звала, но он не откликнулся, и вокруг тишина стоит — ни ветерка, ни шороха. Только сверчки трещат, и где-то далеко лягушки квакают. Голосов не слышно, фырканья лошадей, к которым привыкла. И в тишине намного страшнее, чем среди хаоса. Растерянно постояла у огня, а потом искать его пошла. Глупая, наверное, но я от своих чувств к нему уже давно голову потеряла и понять не могла — за что все это обрушилось на меня, откуда взялось это наваждение? Ведь когда в мир свой притащил, я его ненавидела всеми фибрами души. Боялась до дрожи во всем теле. А теперь ни страха, ни ненависти. Только чувство это иссушающее, дикое, которого раньше никогда и ни к кому не испытывала. Страшно это, оказывается, любить кого-то так беззаветно, что умереть хочется, если не с ним и не для него.

Под ногами ветки хрустят, а я лихорадочно по сторонам оглядываюсь, но ничего не вижу — тьма вокруг кромешная. Из-за деревьев костер мерцает.

Я набрала в легкие побольше воздуха и приготовилась закричать, уже вслух изо всех сил позвать его, как вдруг мне рот чья-то ладонь закрыла. И я от панического ужаса забилась в чьих-то каменных руках, дергаясь, извиваясь всем телом, пока вдруг не услышала над ухом его голос.

— Тсссс. Нельзя кричать... здесь, кроме нас, кто угодно может быть. Не слышу я тебя в лесу этом, как раньше... только чую, как пес.

Всхлипнула, и глаза от наслаждения закрылись. Пусть говорит. Не замолкает. Звук его голоса настоящий, не в моей голове, завораживает еще сильнее. Словно проникает под кожу и дразнит все нервные окончания, змеится искушением, переливается обещанием чего-то невыносимо запретного и сладкого. Одна рука стиснула меня под ребрами, а я чувствую, как он запах мой шумно втягивает, ведет носом по скуле. Мне щекотно, и в то же время глаза от удовольствия закрываю.

— Нет без запаха твоего жизни. Я по нему тебя везде найду, даже под землей среди мертвых, полуживой на него ползти буду. С ума меня сводишь. Не ведаю, что творю. Своих загубил... войну

развязал. И плевааать. На все плевать. Моя, Ждана. Мояяаяя.

Сильнее ребра сдавливают, и у меня все плывет перед глазами, воздух плавится, и каждый вдох кипятком обжигает. И я губами касаюсь его грубой ладони, кажется, она рельефная изнутри от мелких порезов и шрамов поверх старых рубцов. Повернулась к нему резко, и он тут же хватку ослабил, и взглядом с его глазами встретилась — прозрачные светло-золотые, нечеловеческие на человеческом до невозможности красивом лице, все еще перепачканном сажей и кровью. А мне оно прекрасней всего на свете, и грязь эта, и кровь чужая, ради меня пролитая. Так близко и не отталкивает, не гонит. Его тело огромное застыло словно в ожидании. Я скулы его широкие ладонями обхватила и будто физически почувствовала, как его всего сотрясло дрожью.

— Зачем искать? Я здесь... Твоя. Только твоя.

Опустила взгляд на губы его, чуть приоткрытые, и до безумия захотелось их своими почувствовать, так сильно захотелось, что в горле запекло, как от жажды. Подалась вперед и коснулась губами его губ. И снова эта дрожь непередаваемая, как землетрясение под кожей у него так сильно, что воздух вибрирует. Тело мое стиснул горячими ладонями и к себе прижал с такой силой, что у меня захрустели кости. На рот мой набросился сам с громким рыком. В волосы мои двумя руками зарылся, вжимая мое лицо в свое, и мне показалось, что я умираю от этого запаха его дыхания у себя во рту, от того, как язык с моим сплетается, толкается сильно, напористо и в то же время как-то иначе, словно не сдерживается он больше. И от этой обрушившейся страсти захватило дух, сердце сильно сжалось в мучительном удовольствии и подскочило вверх, ударяясь о ребра.

Его зубы ударяются о мои, кусают мою нижнюю губу, распалая внутри дикую лихорадку, которая нарастает с бешеной силой. Приподнял немного и прошел со мной пару шагов, впечатывая меня в ствол дерева, а я ничего не вижу и не чувствую, кроме его языка у меня во рту, кроме стонов мужских нетерпеливых. Целует исступленно в каком-то безумии, и его рваные выдохи наполняют мне легкие, заставляют дышать ими и выдыхать свои собственные. Не сдерживается больше... другой совсем. Озверевший. И в то же время нет ни чешуи на коже, ни бугрящихся под ней шипов костяных.

Но они могут появиться, и это понимание опалает сознание, сводит с ума. Кровь в венах закипает, пенится, и меня словно с ног до головы ядом возбуждения жжет. Ничего подобного не чувствовала никогда. Страх и в то же время отчаянное желание узнать, что такое любовь дракона, на себе. Сгореть от нее дотла.

Жадные ладони мужские рубашку мою задирают, и, подхватив под ягодицы голые, вверх поднимает, спина о колючую кору дерева цепляется больно до ссадин, но мне плевать, ведь его руки на моем теле с ума сводят, и я готова вытерпеть что угодно, лишь бы касался, лишь бы не отстранился снова.

Лихорадочно разрывает тесемки на груди, и меня выгибает назад, чтобы подставить ноющую плоть и до боли налитые соски его рукам и губам. И чувствую, как что-то твердое упирается мне между ног и в низ живота. От страха и предвкушения сводит все тело... предвкушения того, как своей сделает, и мозги туманятся, отказываются признавать, что потом я умру под чудовищем, ведь никто не выжил еще под натиском зверя. И мне хочется стать его, по-настоящему, почувствовать, как накроет собой и ворвется в меня, разрывая болью все мое тело... и вместо ужаса низ живота пылает огнем, и от боли хочется кричать. От иной боли. От жадного желания снова испытать с ним то самое ослепительное наслаждение... а после и умереть не жалко.

Но он вдруг прижимается лбом к стволу дерева над моим плечом, тяжело и хрипло дыша, замер, дрожа всем телом. И я зарываюсь в его волосы. В эти многочисленные косички, которые жестко скользят между пальцами, заставляю его посмотреть мне в глаза. Полыхающие огнем радужки и вертикальные зрачки, в которых змеятся огненные молнии, то сужаются, то расширяются. Страшные и в то же время завораживающие.

— Я хочу тебя... твоей хочу быть. По-настоящему. Женщиной твоей.

И все его тело дрожит в ответ на каждое мое слово, за горло ладонью обхватил, и долго в глаза мне смотрел.

— Ты пожалеешь об этом.

— Никогда не пожалею. Обещаю.

— Плевать на твои обещания, даже если не сдержишь их. Мне плевать на них будет.

Придерживая за поясницу, опустил в траву, нависая сверху.

Молчит, больше слова не говорит. Напряжен настолько, что я вижу, как по его вискам катится пот. И снова со стоном на мой рот набрасывается, руки хаотично гладят мое тело, мои ноги, и широко

раскрытый рот скользит по моему подбородку, по шее, вниз к ключицам, прикусывая их, еще ниже к воспаленным соскам, и я впиваюсь в его волосы снова, когда горячие губы сильно обхватывают острые кончики по очереди, терзая их, вылизывая так бесстыже и нагло, что у меня в голове мутится. И он сам не сдерживается, стонет громко, надсадно, останавливается отдышаться и в глаза мне долго смотрит, обхватив пальцами сильно мое лицо, словно удерживая взгляд. Наверное, это триумф женский, когда зверя лихорадит от страсти, и кажется, что он обезумел совсем.

Глажу его волосы и влеку снова к себе, а руки сами к его рубашке тянутся, задирают наверх, тянут изо всех сил, и до дрожи хочется телом голым к его телу прижаться, всей кожей его ощутить на себе. В нетерпении сбрасывает с себя рубаху, стягивая через голову, и я льну к груди его гладкой и в то же время испещренной тремя жгутами старых шрамов от чьей-то огромной лапы. Острыми сосками скольжу по каменным мышцам, по горячей коже. От стонов горло болит, и от нетерпения меня саму лихорадит.

Смотрю на лицо его бледное, на губы мокрые и с ума схожу от осознания, что они целовали мой рот, ласкали мою грудь и оставили влажные следы на моей шее. И еще где-то там вдалеке страх щекочет словно острыми, заточенными когтями — в любую секунду он может разорвать меня на части... и вдруг в голове вспыхивает картинками-обрывками, как Демьян по лесу скачет и... и голос его о том, что здесь в лесу нет иной сущности, кроме человеческой. А Аспид, словно в ответ на мои мысли, жадно по мне поцелуями скользит, вниз по шее, кусая, оставляя засосы, словно изучая каждый сантиметр моего тела...

— Пожалуйста, — поднимаясь к нему, обхватывая шею дрожащими руками, но он так же беззвучно укладывает обратно в траву, накрывая рот ладонью и наклоняясь к моей груди, снова обхватывая сосок горячим ртом, словно играясь, словно он сам изучает меня, взмокший и дрожащий, но всецело контролирующий процесс, наслаждающийся каждой секундой. Я задыхаюсь от стонов, а он от груди моей отрывается и в глаза мне смотрит, улыбаясь уголками порочного рта, продолжая играть с сосками, сжав их двумя пальцами и перекатывая, заставляя взвиться от невыносимого желания получить от него намного больше, стиснув в кулаки его жесткие волосы, царапая бритый затылок ногтями и извиваясь уже совершенно бессовестно, потеряв всякий стыд, требуя чего-то, умоляя его бесконечным жалобным шепотом.

Руку его перехватываю своими руками, жадно покрывая поцелуями шрамы и узоры черные, сплетенные символами и узлами непонятными.

— Жданааа, мояаяя — выдыхает мне в рот, придавливая ладонью к земле, — скоро... терпи. Трогать хочу. Всю тебя. Везде. Терпи. Только здесь так можно... нигде больше и никогда так не будет. Запомни. Нигде и никогда.

Только я ни слова уже не понимаю, головой мотаю из стороны в сторону, пьяная, как будто опоенная маревом каким-то, извиваюсь под ним. Всматриваясь в глаза мои умоляющие, Аспид ладонью ниже скользит, властно мне ноги раздвигая. Терплю. С ним что угодно терпеть буду, только невыносимо это — каждое его касание такое мучительно-сладкое, такое грубо-нежное. Пальцы шершавые, а гладит осторожно, так осторожно, что мне кричать хочется.

Коснулся там, где все жаром горит, и я вверх подалась, выдыхая судорожно, и рот в немом крике приоткрылся, лицо исказилось в болезненном ожидании, и судорожный вдох разорвал кипятком изнутри, когда ощутила, как его пальцы гладят у самого входа, трепещут, поддразнивая.

И я уже дрожу, как в лихорадке, не в силах взгляд от его глаз отвести. Нависает надо мной, опираясь на сильные руки, пристраиваясь у меня между распахнутыми ногами.

— Моя... маленькая Ждана, на меня смотри, — выдыхает мне в губы, и я не отрываясь смотрю в зрачки его звериные. Чувствуя, как в меня вжимается что-то огромное и горячее, как тянется мое лоно, крепко обхватывая его плоть, поддаваясь ей и сопротивляясь одновременно, — сладкая Ждана.

Я ощущаю его изнутри, судорожно вздрагивая, и вся сжалась от напряжения и понимания — он меня берет именно в эту секунду, входит в мое тело собой. Мой дракон, мой зверь. Покрытый каплями пота, с дрожащими губами, медленно погружается внутрь, сильно растягивая, проталкиваясь вперед мелкими рывками, и сжирает каждую реакцию с моего лица.

Так медленно, так невыносимо медленно, и я пошевелиться не могу, впиваюсь в его плечи, царапаю их, а он не шевелится... замер, когда я губу прикусила, и в ту же секунду снова пальцы его чувствую. Дотрагивается там, где раньше языком ласкал, там, где обвивался так тонко и невыносимо, а сейчас медленно гладит, дразнит, сжимает. Непроизвольно двигаюсь в такт его ласкам, тянусь к губам, а он назад подается и смотрит в мои глаза, его зрачки расширяются по мере того, как я реагирую на ласку, они становятся все больше и больше, утягивают, как в водоворот сумасшествия.

От нетерпения и напряжения слезы на кончиках ресниц дрожат, и я хватаю сухими губами воздух.

— Скоро, Ждана... ты уже скоро примешь меня всего, — шепчет мне в губы и растирает там внизу одинаково медленно, а сам не дышит, а рвано хрипит в унисон моим стонам, приоткрывая рот, когда я свой открываю.

Шипит по-змеиному, когда я чувствую, как дергается бугорок, стиснутый подушечками его пальцев, и в изнеможении, закатываю глаза, вздрагивая всем телом, на мгновение замираю, широко открыв рот, чтобы втянуть громко воздух и зарыдать, содрогаясь. В ту же секунду он делает мощный толчок, а меня еще трясет в экстазе, и я громко кричу, продолжая пульсировать, плотно обхватив его изнутри саднящей, словно израненной и обожженной плотью, но все еще содрогаящаяся от наслаждения. Боль вспыхнула посередине острейшего по своей силе экстаза, сплелась с ним, и задержалась внутри и снаружи сладкими спазмами, острыми как лезвие и невыносимо-прекрасными.

— Мояяяя, — рычит мне в губы и уже сильно сжимает руками под поясницей, мокрый, с бешеным взглядом, задыхается, — вся мояяя.

И нет меня больше. Правда, нет и не существовало никогда. Я часть него. Предназначенная ему. Вырванная из пустоты, где без него не было смысла. Толкается во мне быстрее, сильнее, и я выгибаюсь под ним, широко раскинув ноги, не человек я более, а животное, такой же зверь, как и он. И я с ума схожу от этого ощущения наполненности. Болезненной, сильной, грубой. Самой примитивной наполненности своим мужчиной. Врезается в меня своей плотью, и губы своими накрывает властно, жадно, вторя толчкам члена языком во рту.

И я не знаю, почему до сих пор жива... ведь это невозможно выдержать. Невозможно не умереть от этого дикого удовольствия принадлежать ему.

Двигается все быстрее, хаотичней, безжалостней, подхватив мои ноги под коленями и упираясь ладонями в землю, запрокидывая голову, и я вижу, как змеятся вены на его горле сбоку, как пульсируют, как искажается в пароксизме страсти его лицо... человеческое и в то же время слишком красивое для человека, и под кожей все символы огнем возгораются, каждый контур дымится изнутри. Человек орет и стонет, а я словно рык зверя слышу и вижу, как он мечется у него под кожей.

А потом хрипло кричит, содрогаясь на мне, и я чувствую, как внутри кипятки растекается, пульсирует его плоть в моей плоти, извергается с гортанными стонами, изогнувшись назад и закатив глаза. К нему льну, оплетая ногами крепкие бедра, сжимая мощную шею дрожащими руками.

— Мой... — нагло лоя его губы своими губами, — мой Аспид.

Задыхается и меня по волосам гладит, прижимая к себе, лицо все еще искажено гримасой экстаза, и веки тяжелые приоткрыл, глядя мне в глаза полыхающим взглядом.

— Твой, Жданааа. Твой Аспид.

ГЛАВА 2

Диковинный дворец у моего Аспида оказался. Моего... Мой... мой... мой. Его голосом низким и чувственным. Как церковным набатом в ушах отдаёт, сердце и душу ласкает, как тёплый ветер колосья пшеницы на полях за его дворцом. На огромной крутой скале, уходящей пиком в самое небо, обитель Аспида скрыта, а остров океаном окружен со всех сторон, и берег волны лижут, а мне с высоты драконьего полета кажется, что островок мой Райский размером с наперсток, а на самом деле необъятны земли Нияна и скрыты от глаз людских. Красота неописуемая вокруг, не тронутая никем. Я о такой только в сказках читала. Такое даже в кино не увидишь. У подножия скалы, покрытой льдами и снегом, раскинулись сады диковинные и леса дремучие. В садах плоды растут невиданных форм и расцветок, а на деревьях цветы сплетаются в пурпурно-золотые узоры, плавно перетекая в бирюзово-зеленый и ярко-желтый. Сверху кажется, что там, внизу ковер раскинулся, сотканный руками Богов или других невероятных существ.

Врожка наказал вниз без ведома Хозяина не спускаться и по садам да лесам не хаживать. Можно подумать, я найду, как туда выйти. Я уже пробовала и ни одной двери не увидела. Разве что в окошко, а летать я не умею.

— Поняла, человечка? Не для тебя, смертной, места эти.

— Угу. Как крылья отращу, сразу вниз прыгну.

— Пошути мне. Знаю я тебя — вечно проблем мне на голову ищешь.

— А что там такого страшного? Почему ходить нельзя?

— Не знает никто. Не ступала туда нога человеческая. Боятся все этого острова, как проклятого. Весь берег скелетами кораблей усыпан, и рифы под водой, как бритвы острые. Живым никто не выбирался. Так что не знаю я, что внизу там ждет тебя, а мне Хозяин три шкуры снимет, если с тобой что-то случится. Утонешь еще, мало ли. Сиди во дворце и не дергайся.

— Что-то до сих пор не спустил, — съязвила я и рассмеялась, когда он брови свои густые, как ершики, накоматил.

— Твоими молитвами, небось.

— А то, — похвалилась я, и лоб карлика разгладился. — Когда Ниян вернется?

Спросила несмело, зная, что ответа не будет. Не раз спрашивала уже. Как во дворец меня принес, с тех пор не видела его.

— Не знаю. Он меня в известность не ставит никогда. Дел наворотил Ниян твой из-за тебя, окаянной. Расхлебывать теперь, и чем окончится все это, никто не знает. И чует мое сердце — ничего хорошего не выйдет. Не сравнится войску Нияна с братской ратью.

И мне тревожно стало и боязно (как говорят в мире моего дракона, я теперь его часть и говорить стала, как они и как в книгах старинных, сама не заметила... или не знаю — откуда новые слова на языке крутятся и сами произносятся).

— Скажи, Врожка, а брат Нияна — он очень страшный?

— Внешне или душой?

— Что мне внешность его. Душой, конечно.

— Царь он Навский, все во власти его, каждое дерево ему поклоняется. Только остров этот ему не подвластен. Здесь Ниян царь и Бог.

— Зачем Ниян девушек туда везет?

— Для ритуала, — Врожка пожал плечами, словно и так все понятно.

— Они все умирают?

— Да.

Посмотрел на меня пристально.

— Только одна должна выжить по пророчеству, только одна истинному сыну покойного царя наследника родит и выдержит драконью страсть. Только не было до сих пор такой за все тысячелетия.

И отвернулся.

— Болтаю тут с тобой. Дел полно. Дворец обойти, слуг погонять, порядок навести. Пошел я.

— Врожка, подожди.

Обернулся и тяжело выдохнул, всем видом показывая, что достала его до печенок.

— Скажи... а Ниян, у него тоже невесты были? Как у Вия?

Карлик расхохотался, да так хохотал, что мне его туфлей стукнуть захотелось по башке его огненно-рыжей. Что смешного я сказала?

— Воин Ниян. Какие невесты? Ни одной девки в этом дворце не было. Воины не женятся, нет у них права такого. А если и решит себя узами брака связать, должен у Вия разрешения спросить и благословения получить. Только на ком жениться, если никто не выживает от любви драконьей?

Потом меня с ног до головы осмотрел и добавил:

— На простолюдинке князя не женятся. Так что не мечтай. Меньше мечтаешь — счастливее окажешься. И хватит у меня дурь всякую спрашивать. Я тебе не баба-сплетница.

Ушел, а я снова к окну подошла, вниз глянула, и голова закружилась — ну и высота. Облака можно ладонью трогать или в стороны разгонять. Я по комнате покружила и вышла. По сторонам, раскрыв рот, осматриваюсь каждый день, никак не привыкнуть мне к красоте этой. Стены замка сверкают словно драгоценными камнями изнутри усыпаны, и они сквозь слюду просвечивают, и если солнце в огромные окна с цветными стеклами светит, то весь замок сверкает и искрится. И каждая комната разного цвета в разное время дня. Меняет оттенки по часам. Ранним утром все горницы золотисто-желтые, потом постепенно зеленеют от светло-салатового до изумрудно-зеленого и перетекают в темно-аквамариновый, и все светлее и светлее, пока не становятся голубыми, как небо, а к вечеру окрашиваются в пурпурный, чтобы ночью стать темно-синими, как ночное небо.

За все время, что я здесь провела, ни одного слугу так и не видела. Словно они невидимые все. Утром встану — завтрак у постели, днем обед в огромной зале ожидает, а вечером после ванны ужин на прикроватном столе стынет. От скуки выть на луну хочется, а ожидание с ума сводит. Запер меня в четырех стенах, а сам воевать полетел, как всегда. Не жизнь, а серость беспросветная. Помереть можно. Хоть бы почитать что-то, если телевизора нет и сам от меня прячется.

Едва подумала об этом, как чуть позже нашла на сундуке книги, сложенные в стопку. Присмотрелась и от счастья чуть не расплакалась — мои все. Из моего дома принесены. Вначале не придала этому значения, а когда волосы чесала гребнем и от злости хотела ножом для фруктов отчистить, подумала о том, что мне б парикмахера, как там на земле, прическу сделать какую-то с космами этими голубыми. И вообще поговорить бы с кем-то...

А вечером ко мне в горницу девушка вошла, глаза стыдливо опустила, присела слегка, сарафан придерживая тонкими пальцами.

— Мне велено за Госпожой ухаживать, всячески помогать и прихоти все выполнять.

Ах ты ж... я по сторонам осмотрелась, и руки сами в кулаки сжались.

"Значит так, да? Сам прячешься, а мысли мои подслушиваешь? Развлечь пытаешься? Не хочу никого, ни еду твою земную, ни служанок безропотных, ни книг из дома моего привезенных. Тебя хочу. Тоскую я, Ниян. Скучаю по тебе, мой Аспид".

А в ответ тишина. Не слышу его больше, не говорит со мной и в мысли не врывается. Дни идут тягучие, как пластилин, а его нет и нет. Только чувствую, что рядом он. Всей душой ощущаю тяжесть в воздухе и запах дракона. А по ночам словно трогает кто-то, словно пальцы по моему телу скользят и пробуждают огонь дикий, заставляют под кожей искры вспыхивать и томно ноги сжимать, оглушенная накатывающими волнами, снова испытать то, что только он дарить мне умел. Все на свете отдать готова за его наглое и настойчивое "Жданаааа моя". Утром глаза отрываю, а нет его опять. Нигде нет. И остров этот проклятый всей душой ненавижу. Хорошо. Прячься. Я сама тебя найду.

И наконец решила со служанкой поговорить. Когда волосы мне утром чесала гребнем и в косы вокруг головы укладывала, я за руку ее схватила.

— Прихоть любую, говоришь, исполнишь?

— Любую, барыня. Все, что пожелаете.

— Вниз меня отведи. Можешь?

— В нижние палаты?

— Нет. Вниз. К подножию скалы. Увидеть остров хочу.

Ее глаза широко распахнулись, и я в них страх увидела. Она отрицательно головой покачала.

— Не могу вниз. Нет отсюда выхода туда.

— Как это нет? Вы же во дворец как-то попали.

— Родились мы здесь. И родители мои, и бабка с дедом. В вечном услужении у князя мы. Клятву верности ему давали.

Она руки у груди сложила.

— Нельзя вниз ходить. Здесь все не такое, как выглядит. Это только сверху вам кажется, что внизу рай.

— А что там внизу?

Она снова быстро головой машет.

— Не знаю. Никогда не ходила туда.

— Но ведь есть выход?

— Нету. Никаких дверей, никаких потайных лазов.

— Быть такого не может.

И сама вспоминаю, что меня мой дракон принес в когтистых лапах. Бережно, как хрустальное перышко.

— А воины? Стража? Они же как-то спускаются вниз.

Дуня осмотрелась по сторонам и склонилась ко мне.

— Смертным нет выхода вниз. Только бессмертным. Не людям. Ящеры через каменный портал выходят. Но я слышала, здесь еще порталы есть.

Легче мне от этого не стало. Ничего интересного я для себя не узнала кроме того, что теперь в заточении на острове и состарюсь здесь, пока он там летает и в войну свою играет. А может, и никогда не прилетит ко мне больше. Бесчувственный каменный ящер. Нет у него сердца. Как была я игрушкой, так и осталась. Только хозяйина сменила. Может, лучше было к Вию попасть, умерла бы и закончились все страдания.

"Еще раз об этом подумай, я твои страдания прекращу прямо сейчас".

И сердце дернулось от радости, так гулко внутри забило, что кажется, грудь сейчас счастьем разорвет.

"— Подумаю. Сто раз подумаю. Прилетай и накажи меня за это.

— Накажу. Не сомневайся. Только тебе не понравится. Наказания бывают болезненными.

— Понравится все от тебя. Нияяян, я дни считаю и ночи. Когда вернешься? Сил нет ждать.

— Имя твое — Ждана. Значит, будешь ждать сколько потребуется.

— Мне бы знать, чего ждать. Знать, что вернешься, и я вечно смогу.

— Вернусь... зверь меня одолел. Не могу пока. Усмирить его надо.

— Не боюсь зверя твоего.

— Я боюсь, Ждана. Я его боюсь".

И от обиды слезы из глаз брызнули. Бойтся он, а мне теперь умереть в вечном заточении, ожидая, хоть бы увидеть ненадолго, хотя бы издалека. Отшвырнула гребень и выскочила из горницы, а дворец волной как раз цвет сменил с розового на сиреневый. Но уже и это не восхищает, как и камни, сверкающие всеми оттенками в свете тысяч свечей.

"— Почему ты так жесток со мной? Почему все так сложно, так невозможно? Что ж ты мучишь

меня, Ниян?".

По лестнице вниз сбегала, оглядываясь по сторонам. Где он — лаз этот каменный или портал? Как они отсюда выходят? Как выбираются? Нет места такого, куда есть вход и нет выхода. Но ни одной двери, и окна все легко поддаются, только вниз можно разве что камнем и насмерть.

Спустилась до этажа, на котором лестница каменная заканчивалась стеной, и от отчаянья ощутила, как печет в горле. И чем смерть хуже вот этого ожидания в тюрьме золотой. Зачем мне все это? Горестно выдохнула и увидела, как в одной из каменных стен вода зеркальной струей стекает вниз в емкость, похожую на фонтан. Она настолько прозрачная, что сквозь нее просвечивают камни. Я села на краешек фонтана и тронула воду пальцами, она преломилась и сменила цвет вместе со стенами. А потом от удивления глаза расширились — внизу, по каменному дну звездочки вспыхнули, мои вечные спутницы, потянулись вверх паутиной, словно ко мне направились. Я руку в воду окунула, и они по моим пальцам поползли, спиральками вокруг них завились и словно слегка на себя потянули. Нежно так тянут, едва ощутимо, и вода теплая такая, пахнет свежестью. Невыносимо захотелось искупаться или хотя бы ноги окунуть в нее. Кто-то когда-то мне сказал, что вода успокаивает нервы.

Я сбросила сандалии, приподняла сарафан и шагнула в фонтан. Цветы-звездочки тут же опутали мне ноги. А потом я глазам своим не поверила — стайка золотистых рыбок юркнула у моих ног, как птички, засуетились. Я ладонью зачерпнула воду, и одна из рыбок забарахталась на ладони и выскользнула обратно в воду. Я вперед подалась, в самую струю и... и неожиданно для себя за ней увидела колыхающиеся ветви деревьев с огромными малиновыми цветами. Тряхнула головой и назад отпрянула — а позади меня стены дворца и за струей фонтана камень, как не было ничего, и снова вперед окунаясь с головой в теплую воду, стекающую сверху, а вместо камня опять цветы перед глазами колышутся на ветру и птицы щебечут. Рыбки теперь уже не в фонтане, а в ручье плещутся, и звездочки тянут, как лентами, вперед. Шагнула и оказалась вне стен дворца. От удивления выдохнула. Передо мной водопад, стекающий со скалы. Голову подняла, и она закружилась, а сердце гулко забило — я у подножия стою, а далеко за облаками виднеется замок, окутанный оборванными перьями облаков.

Я усмехнулась... а вот и выход. Я каким-то образом нашла портал и оказалась внизу. С ума сойти, как же красиво здесь. И запах такой, словно самые ароматные цветы мира распустились в одном месте. Втянула аромат всей грудью и закружилась, раскинув руки. Вот она — свобода. Я приподняла юбки и побежала по тропинке вперед. Что там Врожка говорил, что все не такое, каким кажется? Враки. Все такое, вблизи еще красочнее и ярче. Нарочно от меня сад прятали.

От окружающей красоты глаза разбегаются, и солнце такое теплое, греет босые ноги, треплет мне волосы. Вдалеке раскинулись деревья, так похожи на наши яблони с красными плодами, сверкают на солнце, манят к себе. От желания испробовать скулы свело. Я ускорила шаг, раздвигая ветви с изумрудной листвой, приюхиваясь к запаху цветов невероятно экзотических оттенков. Но едва ступила под кроны деревьев с красными плодами и сорвала один из них, как начало темнеть вокруг и зелень сменила цвет на грязно-серый, а плоды стали кроваво-красными. "Яблоко" в моей руке лопнуло, и алым соком потекла словно кровь по запястью. Я с криком отшвырнула жуткий плод в сторону. Обернулась назад, а тропинки обратно нет, все заплелось кустарниками с шипами и терновником. Сердце начало биться чаще, а по телу прошла волна страха, похолодели кончики пальцев и желудок в узел сжался. Ведь мне сквозь кусты шипованные обратно уже не пройти. Только вперед в сгущающуюся темноту...

"Проклятый остров этот. Все не такое, каким кажется... не ходи вниз".

Ветер налетел и дернул больно волосы, послышался странный шум... я не сразу поняла, что это. Пока не вышла к берегу со сгустившимися черными тучами, клубящимися над беснующейся стихией. Нет внизу солнца и райской красоты, все деревья стонут, засохшие и сломанные, поросшие кустарником и ядовитым плющом с длинными иголками. А волны бьются о берег, вышвыривая обломки на красный песок. И я вижу, как вдалеке останки кораблей плещутся, развеваются разодранные паруса на ветру и молнии ярко-алого цвета небосвод разрезают кровавыми шрамами. А потом дух захватило от ужаса, потому что вода вздыбилась стеной, поднимаясь все выше и выше, и как в самом жутком кошмаре, устремилась на меня чудовищной волной. Обернулась снова — а бежать некуда. Кустарники и шипы затянули весь берег. Оступилась и закричала, наступая на иглы, прокалывая ноги, а они словно меня к воде толкают, гонят в самую пучину, впиваются в лодыжки.

— Нияяяяяян, — закричала громко, пронзительно, устремив глаза вверх, на пенящийся гребень огромной волны, а потом на черное небо. — Нияяяяян.

ГЛАВА 3

Я бы не поверила своим глазам, если бы не увидела лично, как рассекают волны мощные крылья, огромные и черные, как сама преисподняя. Они разрезали волну, как острые ножи с шипами-лезвиями, и аспид, как гигантская птица, камнем полетел вниз, приближаясь ко мне на бешеной скорости с таким свистом, что он оглушил меня, и я протянула к нему дрожащие руки, с рыданием выдыхая его имя уже шепотом и чувствуя, как соль растекается по щекам.

Огромные лапы разверзлись, сверкая когтями, и сомкнулись на моем теле, и я взмыла вверх с такой скоростью, что захватило дух и отнялся голос, а сердце чуть не разорвалось от того, как мгновенно я очутилась над облаками, сжимаемая лапами дракона так бережно, как только можно было себе представить. Приоткрыла глаза, глядя на массивную шею, покрытую сверкающей, как черное железо, чешуей, и на морду с раздувающимися ноздрями, извергающими столпы пара. И страх тут же отступил, испарился... мой дикий зверь, мой Аспид. Разве могло быть иначе. Разве мог он не прийти ко мне. Ради этого можно было сто раз броситься в пучину или балансировать на грани жизни и смерти.

Ветер от взмаха крыльев развеивает мои волосы и свистит в ушах, а я, как замороженная, смотрю на свое чудище лютое и понимаю, что жизни мне нет без него теперь, что я ему с рождения была предназначена. Мой он, а я его. И ничто уже этого не изменит, и я согласна умереть в его лапах, лишь бы познать хотя бы мимолетно, что значит любовь Аспида.

Дракон принес меня к дворцу и бережно положил возле цветов в саду. Я тут же на ноги вскочила, а он обратно в небо, скосив крылья и врезаясь в лохматые облака, исчезая за ними, как в дыму, заставляя меня от бессилия закричать, зарыдать, сжимая руки в кулаки.

— Трус... трус ты, Ниян. Я все равно сбегу. Я все равно найду, как от тебя уйти. Понял? Что ж ты спасаешь меня, а сам прячешься? Это ведь не жизнь, вот так в заточении и в одиночестве. Не придешь ко мне — камнем в воду брошусь. Не стану до старости в твоей тюрьме сидеть.

— Со дна достану и душу вытрясу.

Вздрогнула, обернулась, а он сзади стоит, голый по пояс, ноги широко расставил, и волосы его черные вверху в узел закручены, и прическа варварская сводит с ума своей дикостью и красотой. Тело лоснится от жира и копоти. Как и каждый раз, когда от драконьей сущности в человека обращается. Шаг ко мне сделал.

— Тебе сказано было вниз не ходить?

Кивнула, но назад не отступила.

— Ты кто такая, чтоб мои приказы нарушать?

— Твоя я... к тебе хочу.

— Это тоже мне решать — моя или нет.

Сердце бешено бьется от его близости и от запаха зверя, который витает в воздухе, смешиваясь с человеческим. Желтые глаза змея переливаются жидким золотом с вкраплениями оранжевых языков пламени.

— А ты не решил еще?

С вызовом, вздернув подбородок.

— Так еще не поздно брату своему меня отнести, на алтарь возложить. Может, я ему наследника рожу. Кто знает?

Не уловила глазом, как он возле меня оказался и взревел так, что меня волной назад отшвырнуло к стволу дерева. Я зажмурилась, чувствуя, что меня сейчас, как былинку, ветром снесет.

— К Вию хочешь? Только скажи...

— И отдашь?

Зарычал снова, и я прижалась к дереву, чтоб не снесло от потока горячего воздуха.

— Нет. Сожгу в пепел и над океаном развею. Моя ведь.

Глаза сверкают, ствол дерева двумя руками обхватил и на меня глазами огненными смотрит.

— Ты меня уже сжег... горю я по тебе адским пламенем, Ниян. Не чувствуешь, как сгораю? Как с ума схожу? Ты лучше убей или люби. Сил нет вот так...

— Я люблю, — выдохнул мне кипятком в лицо, и прижался лбом к моему лбу, а потом огненными губами, и быстро зашептал, — но моя любовь — смерть. Я — твоя смерть, Ждана моя. Ты понимаешь это или нет? Не могу я любить в облике людском, такова моя сущность... а драконий причинит тебе адские страдания и убьет. Умрешь в нечеловеческих мучениях. А я... я сдохну следом за тобой.

И дерево тряхнул, алые лепестки цветов закружились и вниз опустились кровавым ковром.

— Но ведь один раз любил, — прошептала я и обхватила его лицо ладонями, — я каждый твой вздох и поцелуй в сердце ношу, вспоминаю твой запах.

— Мне твой вспоминать не надо, я весь им пропитался, я его чувствую повсюду. Согласен издали смотреть... согласен изнывать и с ума сходить.

— А я не согласна. Лучше сгореть один раз и так ярко, чтоб вспыхнуло небо, а не тлеть всю жизнь и погаснуть.

— Не сгоришь. Я не позволю.

— А что сделаешь? В клетку посадишь?

— Посажу. На цепь. Еще раз без моего ведома сунешься куда-то, в подвале сидеть будешь на веревке. Как зверек.

И снова глаза стали красно-оранжевыми, а зрачки превратились в острые щелки.

— Такая твоя любовь?

— Хуже, Ждана. Она намного хуже. Не зли меня, я причиню тебе боль, не буди дракона, когда он готов смиренно уступить мне место.

— Я любого тебя люблю: и дракона твоего, и человека.

— Нельзя меня любить. Забудь об этом и смирись. Все.

— Лучше б я в волны бросилась и не звала тебя никогда. Хуже смерти ты. Ненавижу.

Смел меня рукой, как травинку, с такой силой, что я отлетела на несколько метров назад и спиной по земле прочесала. От боли искры из глаз посыпались и слезы выступили.

— Ненавидь. Здесь теперь сдохнешь, когда я решу. Сама выбрала. Сама позвала. Быть тебе вечно в моем заточении. Пока я не решил иначе.

Развернулся и скрылся в изумрудных зарослях, и, словно опровергая все законы природы, с неба сорвались хлопья снега, покрывая тонким слоем белой ваты зеленые листья и ярко-алые цветы. Разрыдалась, не в силах на ноги подняться, прикрывая глаза и дрожа всем телом от боли и от отчаяния.

— Дура ты, человечка. Всегда знал, что с головой у тебя проблемы, а теперь точно убедился. Ты что натворила? Ты понимаешь, что погибнуть могла?

Голос Врожки доносился сквозь гул в голове, почувствовала, как карлик помогает подняться, и оттолкнула его.

— Уходи.

— Не уйду. Увести тебя отсюда надобно и ссадины смазать. Спиной несколько метров прочесала, весь сарафан кровью пропитался. Вот дура-баба. Какая дура. Тебя б волна адская слизала и на дно морское утащила. Давно океан так не бесновался. С тех пор, как ты здесь появилась, шторм не утихает.

— Пусть бы слизала и утянула на дно. Жить вот так хуже, чем утонуть. Вечно в клетке, вечно ждать и знать, что не будет со мной... что хранит меня, чтоб смотреть, как на игрушку диковинную. А я гнить начну и разлагаться. Хуже смерти все это, понимаешь? Не любовь это... не любит он меня.

Сама не поняла, как карлика руками обхватила и разрыдалась, а он ладонями по волосам меня гладит.

— Дура ты, дура... какая глупая девка. Любит. Совсем от любви к тебе обезумел. По ту сторону острова беснуется, сжег все, в угли превратил, вода кипит от ярости и бессилия его. Любит тебя

больше, чем себя, и похоть звериную держит на цепях железных. Жизнь твоя дороже всего для него...

Я веки напухшие разлепила и на карлика посмотрела.

— Врешь ты все.

— Смысл мне врать. Мне от тебя ничего не надо. Может, найдется выход для вас какой-то... может, как стихнет война, унесет Аспид тебя с тот лес, где чары не действуют и сущности скрыты глубоко и далеко... И хватит реветь. Терпеть не могу, когда бабы ревут... у меня сердце болеть начинает. Пошли, спину намажу... и спать пора. Утром все не таким уж черным кажется.

— А что, война началась?

— А то. Брат на брата пошел. Из-за тебя все, ведьмы такой. Вий изгнал Нияна и объявил вне закона, как и Мракомира. Армию собирает и на остров пойдет. Кровавая бойня со дня на день начнется такая, что все адские твари из-под земли восстанут. Вот что ты натворила. С любовью своей. Идем, говорю. Ревет она.

Я тогда еще не боялась. Не умела войн бояться, не представляла, какой она может быть здесь, в этом мире. Да и преувеличивать мог Врожка. Поднялась на ноги, и от боли в глазах потемнело. Со спины словно всю кожу сняли... Напугать меня хотел. Боль причинить, чтоб не пыталась больше. Только не боюсь я уже ничего. Мне без него страшно, что вот так жизнь и пройдет в пытке невыносимой изнывать от страсти и видеть издалека иногда.

Пока Врожка мазью ссадины мазал, я зубы стиснула и терпела... а потом карлика позвали, и он вышел за двери... а я как всегда уловила звук и даже смогла его приблизить. Какое-то удивительное умение, словно у меня вместо двух ушей появляется еще несколько, и я слышу во сто крат отчетливей.

— К Князю надобно гонца слать. Армию собирать. Войско Вия на нас ползет. Из-за горизонта зарево появилось. Здесь через пару суток будут. Не выдержим мы натиска. Падем после первого удара.

— Гонца отправлю. А тебе б голову снести за вести дурные.

— Отдал бы он девку Вию, и все б наладилось. Поляжем мы все здесь. И пепла не останется. Говорят, даже Мракомир за Вия пойдет. Обещал тот ему Некрополь подарить и власть вернуть.

— Ты не умничай и не лезь. Не тебе Князю указывать, что делать надобно и как войны вести. А много болтать будешь, языка точно лишишься.

— Что мне язык? Мы все кости здесь сложим.

И стало мне страшно, до дикости страшно, что из-за меня погибнет... из-за меня все это началось. Уйдет Ниян на войну свою, и не увижу его больше.

Дождалась, когда солнце за горизонт село и все стихло во дворце, достала из сундука сарафан новый. А потом на место положила... не выпустит меня стража за порог. Я посмотрела на спящую Дуню, а потом растормошила ее и палец к губам приложила.

— Снимай одежду и платок свой давай.

— Зачем барыне моя одежда простолюдинская?

— Надобно. Раздевайся. Быстро.

Дуня разделась, а я ей свою одежду бросила.

— Надень и ложись на перину. Мною прикинешься. А если сдашь кому-то, прикажу высечь.

— Что вы, — испугалась и глаза округлила. — Не предам никогда. Преданные мы, барыню никогда не выдадим. Жизнь за вас отдам.

— Жизнь не надо, а вот стражников надурить можно.

В простых одеяниях служанки с цветастым платком на голове я пробралась мимо стражей, которые провели меня пристальными змеиными глазами, но не задержали. Когда в ручей ступила ногами и вынырнула в ночном саду, холодок по спине прошел. Значит, на другой стороне прячется от меня?

Если суждено мне сгореть... сгорю. Все равно войне скоро быть. Раздвигая ветки руками в противоположную сторону от берега, с которого доносился шум волн, ночью слышавшийся еще отчетливей, я шла куда-то вперед, понимая, что чем дальше захожу, тем ощутимей становится

запах серы и гари. Пока не замерла, увидев перед собой обугленные стволы деревьев и устланную толстым слоем пепла землю. Нога ступила в мягкие хлопья и утонула по щиколотку, а порыв ветра сорвал с головы платок. Решительно пошла вперед, пока не вышла к берегу реки... черная вода сверкала алыми сполохами, освещенная догорающими кострами.

— Ниян, — тихо позвала я, — я за смертью пришла. Раз любви дать не можешь.

Стихло все, даже ветер. Только издалека шум воды доносится, а черно-красное озеро превратилось в зеркальную гладь.

— Война сюда идет... может, не увижу тебя больше. Не гони. Не уйду. Любви-смерти твоей хочу.

Позади раздалось оглушительное сопение, и пепел взметнулся столпами от звука шагов. Зажмурилась и снова открыла глаза. Знала, что это он... в зеркальной глади отразилась огромная фигура дракона и тут же пропала.

— Уходиинии, — человеческий голос, перетекающий в рычание звериное.

Обернулась резко и нагло, в глаза драконьи посмотрела и руки в стороны развела.

— Твоя я. Кем бы ни был. Суждено сгореть — сгорю.

Чудовище взметнуло костяной, шипованный хвост и опустило на землю. Пепел волнами поднялся вверх и осел вниз, окутал мое тело мелкими крошками и обсыпался к моим ногам. Тяжело дыша, смотрю в морду аспида и тут же вижу, как сглаживается чешуя, как исчезает хвост и складываются крылья, и сквозь облик зверя проступает человеческий. Словно слились воедино полузверь и получеловек. Черты лица Нияна, но по бокам сверкает чешуя, и тело наполовину мужское, наполовину драконье.

— Уходиинииинии, — страшным голосом, от которого по телу прошли мурашки.

— Не хочешь меня... Вию отдай. И войны не будет. Хочешь, я сама к нему выйду? Тебе я все равно не нужна. Как думаешь, если позову его, заберет? Ты ведь находишь меня, а он найдет? Если любви ему, как тебе, пообещаю?

Драконьи глаза засветились в темноте, и я увидела, как открылась пасть и из нее вырвался огненный столп, и в эту секунду у моих ног взметнулся водяной столп, смерчем обвил все мое тело, и, разлетаясь брызгами, вода зашипела, схлестнувшись с огнем. Я увидела, как закрутился пепел вокруг меня. Теплый воздух окутал голое тело, заскользил по раскаленной коже. Огонь сжег мою одежду, но совершенно не покалечил тело. И теперь я стояла перед беснующимся аспидом совершенно голая.

Я сделала шаг в сторону дракона, ступая по раскаленным углям и слыша шипение... но не чувствуя боли. И слово журчание доносится где-то внизу. Дракон снова изрыгнул пламя, но оно потухло, не достигнув меня, и по бокам пролегли огненные дорожки, а... под моими ступнями ручей извивается и стекает в черное озеро. Подошла вплотную к Нияну и положила руки на чешуйчатую морду, прислоняясь к ней влажным лбом.

— Твоя я... даже твой огонь убить не может мою любовь к тебе. Нет смерти между нами. Везде вокруг бушует, а мы ей неподвластны. Любовь ведь сильнее смерти, Ниян. Ты не знал?

Подняла голову и вздрогнула, когда увидела, как снова жуткий облик зверя сливается с человеческими чертами... они прорываются через чешую, выступают все отчетливей и сильнее. И как сверкают мукой огненные глаза.

— Не боюсь твоего дракона... и тебя не боюсь.

Взревел, разводя руки-лапы в стороны, сбрасывая чешую, разметая позади себя все гигантским хвостом... и я смотрю в зрачки наполовину человеческие, наполовину звериные.

— Не боюсь...

А полудракон-получеловек голову все ниже опускает к моим ногам... и отрицательно качает ею. И я вместе с ним на колени в пепел, заставляя посмотреть на себя и прислоняясь лицом к колючей чешуе.

— Значит, умру в попытках... если зверь не уйдет. Значит, такова моя участь.

И губами прижалась, чувствуя горячую твердь под ними и закрывая глаза, откидываясь на спину, навзничь, протягивая к нему руки. Все замерло в гробовой тишине, и я сама замерла... готовая принять свою смерть или все же жизнь?

ГЛАВА 4

Заставила себя глаза открыть и губами холодную чешую целую, а она греется под моими губами и исчезает, обнажая куски кожи, высвобождая из-под зверя человека. Ощущая, как когтистые лапы сжимают мою спину и впиваются в плоть. Тяжело дыша, отыскивая в огненных безднах свое отражение и видя, как тонкие зрачки округляются. Позади нас взметнулся столп черных брызг, разлетелся фонтанами в разные стороны, и я, тяжело дыша, больше взгляда от него не отрывала... а может, это он не давал. Страх смешался с адреналином, и мне страшно, но остановиться совершенно невозможно. Смотрю в сверкающие огнем глаза и дрожу всем телом, видя, как раздуваются его ноздри, и облик вроде целиком человеческий, но то тут, то там пробивается чешуя волнами по лицу, и линия губ смещается, то снова выравнивается в чувственный изгиб.

Лютая, звериная красота, и от нее сердце бешено бьется и дух захватывает. А по телу катятся волны возбуждения. Блеск в его зрачках, ударяет молнией по напряженному телу. И шумно выдохнула, когда к губам моим приник, и я ощутила во рту скольжение раздвоенного языка, ласкающего небо и мой язык, сплетающийся с ним. Вспомнила, что этот язык творил со мной под водой, и вся краска прилила к лицу. Оторвался от моего рта и руками повел по лицу, по щекам моим, заставляя запрокинуть голову.

"Снимай... убивать тебя буду" — голос врывается в мысли расплавленные, как магма, пылающие в голове заревом сумасшествия.

Медленно выдохнула и потянула за шнурки впереди на сарафане, позволяя ему соскользнуть вниз в пепел к моим ногам, не разрывая зрительный контакт со зверем, облизывая пересохшие губы. Сняла через голову рубаху и швырнула туда же в черные крошки, переступила босыми ногами, глядя, как золото в его глазах лижут языки оранжевого пламени. Кожи касается жгучее тепло, исходящее от горящего вокруг нас кольца из пламени.

Под взглядом драконьим соски напряглись, вытягиваясь и твердея, и низ живота опалило жгучей надобностью ощутить его везде в себе. Как тогда... ощутить на своем теле.

— Убивай. Твоя. Что хочешь делай со мной.

Глаза вспыхнули еще ярче, запылали, обжигая, дразня, обещая убить так, что умолять буду не останавливаться. Медленно ступая по огненным язычкам и не ощущая боли, подошла к нему... почти изменившемуся в человека. Слепительный в дикой наготе, и кожа золотом сверкает, переливается. Каждая мышца выделяется, бугрится и манит коснуться, ощутить эту мощь звериную. Дракон исподлобья смотрит взглядом тяжелым, а я, стиснув челюсти, взгляд вниз опускаю, любясь сильным животом и полоской волос, опускающейся к паху и к поросли, окружающей его член, гордо выпяченный вперед, налитый и такой же мощный, как и он весь. Дыхание перехватило страхом и чем-то совершенно диким, невозможно острым. Он идеален, он прекрасен, как божество, как нечто, неподвластное человеческому восприятию и пониманию. Никогда в своей жизни не видела ничего прекрасней, чем это мужское тело, оббитое языками пламени и отливающее оранжевым заревом. Завороженно, приоткрыв пересохший рот, смотрела на него, поднимаясь взглядом вверх и застывая, опутанная чарами Аспида. В горле стон мольбы застрял... представила, как сверху ляжет и собой накроет.

Аспид протянул руку и привлек меня к себе, волосы руками сжал и на мой рот набросился, уже не жалея, проникая в него своим языком змеиным, кусая острыми зубами нежную кожу губ, а мне кажется, ничего прекрасней со мной никогда не случилось и случиться не может.

Сдавил сильными руками, и ощутила, как они по животу скользят вниз, накрывая плоть горячими пальцами, язык во рту бьется сильнее, а пальцы ласкают сначала медленно, а потом все быстрее, яростнее, проникая внутрь и снова выскальзывая наружу.

И меня накрывает огненной волной, колени подгибаются, а мучительно чувствительные соски касаются его горячей груди, трутся, наливаясь все больше. Забилась в его руках, задрожала...

"Умру сейчас... не могу... умру..."

Умирай, Ждана... умирай для меня..."

Захлебнулась стоном, кусая его рот, извиваясь и тяжело дыша. Оторвался от моего рта, всматривается мне в лицо, не прекращая двигать рукой, растягивая мою плоть, подготавливая для себя. Выскользнул пальцами и снова вбилась внутрь, резко, сильно, сводя с ума горящим взглядом.

Я изогнулась, вскрикнув и закатывая глаза от невыносимого удовольствия. Расплавленная только звуком его голоса, напряженная до предела, готовая в любое мгновение взорваться.

Раздвоенный язык заскользил ниже по моей шее, обхватывая ее, спускаясь ниже к груди, обвивая

твердые вершинки, покалывая острыми концами соски.

"Умирай, Ждана моя... смотри мне в глаза и умирай... я воскрешу"...

Закричала, и все тело замерло перед тем, как огненная волна обожгла острым и невыносимо сильным удовольствием. А он меня держит и взглядом огненным добивает, домучивает, как и пальцами своими наглými.

Целую вечность ждала руки и губы его. Целую вечность изнемогала в изгнании, покинутая и отверженная. Кажется, теперь воздухом не надышусь и счастья не наглотаюсь. Забыла и в то же время помнила, какое наслаждение дарить умеет... Никто не сможет так. Нечеловеческое оно. Не земное.

Приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на его заострившееся от страсти лицо, наполовину скрытое под выступившей чешуей. Взгляд дикий, голодный, и там в зрачках зверь мечется, беснуется. Хочет вырваться наружу и не может.

Приподнял за талию вверх, выше и выше, так высоко, что ногами шею его обхватить смогла и тут же глаза закатила, всхлипнула, затряслась от ощущения наполненности, от того, как внутри забился язык его. По чувствительной, еще не остывшей плоти пробрался внутрь и заполнил до упора. Коленями шею сильную сжала, изогнулась назад, насаженная на жало змеиное, которое внутри беснуется, выплясывает, убивает наслаждением таким, что кажется, я с ума сойду, кажется, я вся превратилась в оголенный нерв, бьющийся в агонии.

По всему телу рассыпались мурашки, и это ощущение, как шершавый язык вылизывает мою плоть, трогает везде, где невозможно тронуть, трепещет, извивается волнами. И волна возбуждения, нарастает все сильнее, превращаясь в бесконечную пытку. Твердый узелок пульсировал под натиском горячих губ, то сосущих, то просто мягко касающихся нижних губ, и я уже рыдала от наслаждения, рыдала в голос, впившись в его тонкие косички, захватив их обеими руками и извиваясь на этом языке...

Губы Аспида обхватили пульсирующий набухший комочек плоти. Сильно втягивая в горячий рот, оплетая кончиком языка, и меня словно колет тонкой раскаленной иглой, пронизывает, пробивает, пока не закричала, не впилась в его голову и не выгнулась так, что казалось, позвоночник сломаю, сжимая коленями его шею и дрожа всем взмокшим телом от нахлынувшего зверского удовольствия, от бешеного экстаза, пронизавшего все тело.

"Сладко умираешь, Ждана... так сладко, что убивать тебя снова и снова хочется... смерть-любовь просила? Чего я больше дал тебе?"

Спустил вниз, но на ноги так и не поставил, удерживая, в глаза смотрит, а я все еще дрожу, все еще оголена, как провода под током.

— Если не остановлюсь... могу, и правда, убить.

Шепчет и скалится, дергается весь от напряжения.

— Значит, судьба моя такая. Умереть под тобой.

— А я потом... что я потом делать буду, Ждана.

— Любить меня... умеешь любить, Аспид?

Так любить, как я тебя я люблю, до безумия... до сумасшествия. Если бы знал, насколько. Ниян развернул меня спиной к себе, прижался губами к моему затылку, накрывая грудь ладонями. И я дрожу от каждого касания, от каждого поцелуя и вдоха. Опрокинул вниз в пепел коленями, на четвереньки. Заставляя сгрести золу дрожащими пальцами и напрячься всем телом в ожидании. И мне хочется его быть, быть настолько, чтоб ощутить в себе всю мощь, ощутить всю силу страсти бешеной, от которой саму на части разрывает.

Его руки рядом с моими так же золу жмут, так жмут, что костяшки стали белыми... и почувствовала, как осторожно и медленно проникает в меня, проталкивается мелкими толчками, то подаваясь назад, то короткими ударами вперед. А у меня глаза закатываются от ощущения его плоти внутри, ребристой от вен, которые я чувствую стенками лона.

Прикусил затылок, вниз к позвоночнику, и по телу прошла дрожь, меня трясло от страсти, от страха, от какого-то первобытного ощущения принадлежности и от голода неутолимого, злого, дикого, замешанного на тоске, на боли за то время, пока отвергал меня. Застыл, а я дернулась, но он так сильно стиснул меня под ребрами, что я, обездвиженная, застыла вместе с ним. Внутри нарастает натяжение и напряжение, а затылок опалает пламенем его дыхания. Рука, обхватившая тело, двинулась, и я ощутила скрежет когтей. Тяжело дыша, приоткрыла глаза.

— Люблю тебя... мой Аспид, мой мужчина... любым приму. Хорошо с тобой. Даже умирать не страшно.

И когти прячутся, исчезают, ладони ослабляют хватку, и я стон его слышу, чувствую, как лбом к спине моей прижался и сделал первый толчок. Потом еще один и еще. Медленно, глубоко, лаская мою грудь и хрипло дыша.

Намотал мои волосы на руку и потянул на себя, заставляя прогнуться, проникая неожиданно очень глубоко, царапая горло сбоку зубами, прикусывая кожу. И мне кажется, я, и правда, умираю, и правда, сейчас агония накроет в последний раз, чтобы я больше никогда не вынырнула из ослепительного света, сожженная его пламенем. Я сжимаю его всей плотью, сжимаю и кричу до хрипоты. Не знаю, что кричу то ли о любви, то ли о смерти, то ли только его имя.

Содрогаясь вокруг таранящей меня плоти.

— Люба, Ждана. Люба ты мне... так любя, что даже зверь... даже зверь на коленях пред тобой мечется.

И когда рык его дикий услышала, деревья к земле пригнулись, а языки пламени нас обоих накрыли и сплелись куполом. Я ощутила, как во мне горячо разливается его семя, слышала, как рычит, как сотрясается надо мной и во мне, вижу, как взрываются столпы пепла ввысь и осыпаются черным снегом на наши тела.

А потом мы оба в пепле лежим, и небо над нами крутится в разные стороны, вращается, качается, и звезды с него словно мне в руки сыплются. Повернула голову, чтобы посмотреть на него... и как всегда вздрогнула от его красоты, от неожиданной близости этого великолепия ко мне. Его кожа по-прежнему поблескивает, словно под ней огонь спрятался и вот-вот вырвется наружу, а глаза светло-светло желтые с сонными полосками зрачков. Руку протянул и по щеке моей провел костяшками пальцев, потом к себе притянул, на грудь укладывавая.

— Моя ты. Мне предназначена.

— А ты не верил, что твоя...

Усмехнулся.

— Я свое потерять не хотел.

— Снова от себя гнать будешь?

Приподнял резко и к себе дернул.

— Неет, теперь умолять станешь, плакать, чтоб отдых дал... Измучаю.

— Измучай.

Но он внимательно мне в глаза смотрит...

— А ведь ты не человек, Ждана. И никто не знает, кто ты на самом деле. Даже я.

И в эту секунду взметнулся вверх, перескочил через языки пламени, укрывающие нас от посторонних глаз. Я от неожиданности даже слова сказать не успела.

— Как смел без предупреждения и разрешения прийти сюда? Совсем страх потерял, Врожка?

— Войско Вия уже близко. Через первую черту прошли. Еще две черты и здесь будут.

— Навстречу пойду. Буду о мире с братом договариваться. За годы службы верной оплаты просить. Никогда ни о чем Черный Аспид не вымаливал, а сейчас будет.

Врожка головой своей рыжей качает и руки к груди прижимает.

— Ох, не станет он вас слушать. Позор учинили, невесту царя умыкнули и своей сделали. Каждая чисть и нечисть знает о предательстве Аспида. Кто ж такое прощает?

— Пусть накажет, но Ждану не отдам.

— Войне быть.

— Значит, быть.

— Почему тогда на смерть идти? Берите невесту и бегите. За земли чертополоши, за пески зыбучие, схоронитесь в царстве вечного солнца.

— Не станет сын царя от брата своего бегать и кровь свою позорить. Чело свое явит государю и о милости просить будет.

— А коли милость не получит и в темницу угодит, что тогда сын царя делать будет?

— Зачем небылицы думать, Врожка? Вначале дай с братом поговорить.

— Ага, и без головы оставить и себя, и меня, а невесту все равно отберут. Войско с собой бери. Пусть сзади идут и, если что, вступятся за вас, уйти сможете. Не пушу на смерть. Я отцу вашему присягал и в верности клялся. Врожка не просто так штаны по лавкам протирать вызвался.

— Врожка много на себя взять пытается. Да не по грибу шапка, ножка того и гляди в землю уйдет.

И грозно на шута своего посмотрел, глаза заблестели, засверкали, и чешуя по щекам волнами пробежала. Красивый такой, сердцу больно. Солдат мой, вечный воин. Без меча и копоти на смуглой коже даже представить его не могу.

— Хоть растопчи тот гриб, хоть изжарь, но кроме Врожки никто правду не скажет. Не помилует тебя Государь и невесту тебе не отдаст. Чай не один день Вия знаю. Берите войско и не дурите. Если голову сложить не хотите и невесту Вию отдать.

— Хорошо. Войско возьму. И не смей мне перечить больше, а то я твою голову оторву и на пику надену, мух собирать да комах.

— Наденьте, если отраднo от врожкиной головы на пике вашему сердцу делается. По истине говорят — коли любовь в сердце стучится, разум машет дланью на прощанье.

— Я тебе сейчас этой дланью, как наподдам, чтоб твой разум на место вернулся. Зови ко мне Драгомира, Любомира и Всеволода, будем воинов в поход готовить.

— Бегу, ох как бегу. Пуцай и Володимир идет, своих низкоросликов в бой готовит.

— Ты опять?

— Молчу, молчу... Так Володимира звать?

— Зови.

Ко мне вернулся. Молча за руки взял и к губам прижал, заставил лицо свое ладонями обхватить. В глаза долго смотрел, потом тихо сказал:

— Так любя ты мне, Ждана, что готов с братом войну начать, войско против него веду, кровь проливать буду, чтоб тебя рядом оставить. Так насколько ты мне любя, а? Знаешь?

И у меня внутри все взорвалось счастьем, заплескалось, разливаясь по венам, наполняя всю ощущением невесомости. И больно стало от слов его. Казалось, он их из глубины души вытащил и мне в ладони вложил, чтоб пальцами сжала и почувствовала.

Провожала его молча, руки сцепив за спиной и опустив голову. Сверху видно, как войско собирается, как выстраиваются в стройные шеренги перед дворцом. Копья золотом сверкают и изумрудами, чешуя переливается на солнце, и острые наконечники массивных шлемов издали кажутся тонкими ножами с острыми лезвиями.

И страшно мне, что на смерть идут, что никто из них не вернется. А вдруг прав Врожка, и захочет Вий казнить Няяна? Что если послушать скомороха и бежать?

Дернулась, чтобы вниз спуститься, но Врожка за руку удержал.

— Нельзя. Нечего бабе среди воинов делать, когда те на бой идут. Не положено.

— Я — не баба.

— А кто? — глаза округлил, и захотелось его по загривку треснуть, чтоб не удивлялся мне вот так.

— Девушка.

— Что за слово невиданное? Девица, што ль? А кто с Аспидом ночью кувырчался? М? Значит, и не девица уже.

— Женщина. Я — его женщина.

— Чтобы женщиной царского сына стать, нужно наследника ему родить, а пока что ты так... наложница.

— Ты нарочно мне гадости говоришь, чтоб разозлить?

— Не гадости, а правду. И женщина Аспида не должна нос свой совать куда не следует, и сама себя предлагать тоже не должна, а ты... тьфу... срам какой. Стелется перед ним, вьется и глазами своими манит, как русалка, речами сладостными головы крутит. Завела князя в самый мрак и в бездну столкнула. Из-за тебя все. Окаянная.

Не удержалась и дернула его за рыжие космы.

— Законы у вас динозаврские. Ясно? И нет никакого срама — любимому принадлежать. А срам — это подсматривать глазами своими бесстыжими. Все Нияну расскажу.

— Я не подсматривал.

— Подсматривал.

— Чтоб у меня язык отсох.

— Вот и отсохнет, потому что лжешь.

Где-то раздался удар в гонг, и мы с Врожкой посмотрели вниз — Ниян вышел к воинам, и те тут же колено одно преклонили и голову.

— Царю навстречу пойдём. С миром. Но готовые к бою. Возможно, никто из вас обратно уже не воротится, возможно, головами вашими вся долина цветов усеяна будет и имена преданы забвению, а тела земле, а не огню. И если кто не хочет за меня голову свою сложить, пусть меч в землю воткнет и несколько шагов назад сделает. Клянусь кровью моего отца — и волосок с головы его не упадет. Будет отпущен восвояси на все четыре стороны.

Говорит, а сам между рядами идет. Величественный, огромный, на спине меховая накидка, волосы в хвост собраны и кольчугу цепляют концами косичек, высокие сапоги, гремя шпорами и железными каблуками, и носками, в которых отражаются шлемы и щиты его воинов, обхватили сильные длинные ноги.

А у меня перед глазами картинками, как тело это бронзовое, обнаженное меня сверху накрывает, как упирается руками в золу и овладевает мной по-змеиному сильно, глубоко. И низ живота жаром обдаёт от мыслей этих.

"Мало было, любя моя? Ты мне мыслями своими войско наставлять мешаешь..."

И вся кровь к щекам бросилась, прилила.

"А ты не подслушивай"

"Как не подслушивать, если кричишь и стонешь у меня в мозгах. Показываешь, как я тебя ночью..."

И голос зычно внизу раздаётся.

— А если в верности мне присягнете, то обратной дороги не будет. Дезертира четвертуют, предателя лишат глаз и языка, лгуну вырвут печень. Лютая смерть ждет отступников.

"Все тело болит от рук твоих жадных, любимый, не хочу отпускать... еще больше хочу тебя в себе, чтобы запомнить".

"Запомнишь... Коли любишь, запомнишь и ждать будешь"

"Буду... часами, днями, месяцами и годами. А если надо, и всю жизнь ждать буду".

И никто меч в землю не воткнул, оросили ее своей кровью по капле на меч Аспида, окрашивая его в оранжево-алый.

Не выдержала, оттолкнула Врожку и вниз по ступеням.

— Стой. Нельзя. Придания говорят — беде быть, коли нога женская на дорогу воинов ступит. Стояаять.

Но я его не слышала, бежала следом за отрядом, пока не повернул коня ко мне их предводитель, не подхватил одной рукой с земли и не прижал к себе, что есть мочи.

— Вернись, только вернись ко мне.

— Вернусь... если ждать будешь.

Губами к моим губам прижался и обратно на землю поставил, и с громким гортанным воплем понесся за своими воинами, обгоняя их и вырываясь вперед.

ГЛАВА 5

Не спится, кажется, что гроза надвигается. Воздух душный, как будто плотный, не втягивается, не выдыхается, в груди комом стоит. И мне так хочется ком этот выдернуть, продохнуть, и не могу.

Все мысли о нем. Страшно, что обрекла его на эту бойню. Из окна, настезь распахнутого, небо видно. Страшное, покрытое клубами черных облаков. Их видно на темно-синем небосводе, они, как черный дым, волокутся по небу, и пронизывают их тонкие оранжевые молнии. Глаза прикрыла, вслушиваясь в тишину.

— Ниян...

В который раз позвала — не отвечает. Молчит. А у меня внутри кричит все, клокочет от ужаса. Раскат грома заставил глаза раскрыть и всмотреться в темноту. Вначале думала, показалось словно по раме ползут миллионы мелких светлячков, искрятся, переливаются, рассыпаются в стороны, а за ними следом тонкие стебли, а за ними все толще, они продираются в комнату, ползут по потолку. Вскочила с постели и к двери бросилась, но одна из веток стремительно выросла, вонзилась в ручку двери, оплела ее и превратила в густые заросли с листьями. Я назад отпрянула и снова к окну, но оно полностью зеленью затянуто, как будто и не было его там никогда, и в кромешной тьме мечутся зеленые огоньки, беснуются, мельтешат, пока не слились в одно целое и не засветились большими зелеными шарами на полу. Я тронула ветки, и в ответ они обхватили мои руки. В ужасе отпрянула назад.

— Добра тебе, Ждана.

Вздрогнула и резко обернулась. Увидела старика с длинной бородой и посохом в руках, в длинном темно-зеленом плаще. Я его узнала. Волхв Лукьян. Он тогда в лесу с Нияном говорил и беды ему всякие пророчил.

— Что тебе? — и подальше отошла. — Ничего со мной сделать не посмеете. А если сделаете, не уйдете отсюда.

— Мы уйдем. Я и ты.

— Никуда я с тобой, старикашка мерзкий, идти не собираюсь. Убирайся отсюда. Охрану позову, они тебе твою бороду повыдергают и брови выщипают. И эпиляцию сделают.

— Не беснуйся. Угомонись, — и посох поднять хотел, но не вышло. Он намертво к полу прирос. — Ах ты ж... таки оставил защиту магнитом. Предусмотрел щенок.

— Кто щенок? А вы — старый пес шелудивый. Убирайтесь.

На меня исподлобья посмотрел. Из-под бровей косматых зыркнул мерзкими светящимися, как у кота, глазами.

— Чем опоила воеводу? Чем взяла воина славного, сучка бесноватая? Ничего особенного в тебе нет. Ведьмы и те красивее. Какими чарами его окрутила?

— Тебе виднее, ты же у нас колдун?

— Волхв. Ты язык прикуси. И меня слушай. Помрет твой Ниян. Не выстоять ему против Вия.

Внутри все поднялось вихрем и обрушилось лавиной изо льда. Так стало жутко от его слов. Как будто пророчество сказал голосом своим скрипучим, гадостным.

— Выстоять. С ним войско, с ним правда. За меня будет бороться и выстоит. А ты не каркай.

На секунду дернулась, когда вместо головы волхва появилась воронья и тут же исчезла. Расхохотался, увидев мой испуг.

— Волхвы и есть птицы. В любую могут обратиться. Хоть в ворона, хоть в орла. Сюда смотри.

Посох свой наклонил так, что от него огонь зеленый полыхнул, и в воздухе, как из ниоткуда, словно кадры появились прозрачные. Как будто я стою посреди поля, усеянного разодранными останками воинов, все еще тлеющими и полыхающими от огня. Повсюду перекореженные доспехи, сломанные мечи и мерзкое карканье воронья. Они кружат над телами и клюют их, взлетая с кусками мяса в лапах и клювах.

— Вот оно, войско Нияна твоего. Полегло. Всего-то с десяток воинов осталось, бьются на горе Мазава с тысячным войском Вия.

сетка, покрывающая голову под массивной короной, переливается словно рыба кожа. Развалился вальяжно, ноги вытянул и на меня смотрит.

— Поклонись царю, — зычный голос приказал, и я склонила голову.

— До долу кланяйся.

Наклонилась еще ниже и тут же выпрямилась.

— Подойди, — Вий махнул мне рукой. Его голос оказался высоким, тонким и довольно нежным. Но вызвал неприятные ощущения и настороженность. Быстрым шагом подошла к трону, но едва приблизилась на расстояние двух метров — стражи перед носом выставили копья крест-накрест, не давая пройти. И снова холодом повеяло и вонью болотной. Но не от Вия, а от стражей, а от царя серой тянет. Сильно, невыносимо, так, что горло перехватывает. Как будто тысячи спичек сожгли и под нос мне тлеющие головки подставили.

"Змею в глаза смотреть нельзя, только в пол". Эти наставления Врожка еще насчет Нияна давал. Мне бы им и сейчас последовать, но черт дернул все же в лицо царя посмотреть и... удивиться. Лицо аккуратное, женственно-красивое с аккуратными чертами, высокими скулами и чувственным ртом. Но вместо притяжения это лицо вызывает неприязнь. Кажется отталкивающим. На нем словно лежит печать порока, низости и подлости. Я словно чувствую его флюиды, и все мое существо противится им. И взгляд его масляный, похотливый под кожу пробирается, вены холодит.

— Было, от чего голову потерять... — сказал царь и, щелкнув пальцами, заставил стражу убрать копья, — и в прямом, и в переносном смысле. Понять могу братца. Сам бы дел наворотил ради красоты такой неземной. Чары в тебе нечеловеческие... никогда ранее ничего подобного не видывал. Морок одним взглядом наводишь. А ведь не ведьма... я колдовство сразу чую. Так зачем пришла... за предателя просить?

На колени упала и склонилась над железными носками его сапог.

— Умолять пришла. Пощадите вашего брата. Не казните и не лишайте головы. Сама к вам явилась. Хотите — меня жизни лишите, а его не троньте.

И едва справляясь с дрожью во всем теле, тяжело дыша, поднесла его мантию к губам. Ощутила вдруг, как наклонился и голову мою поднял за подбородок. Пальцы у него холодные, как змеиная кожа, и влажные, заставляют дернуться от гадливости.

— Не просто казнить... а кишки выпустить надо и на колья намотать вместе с головой изменника, посмеявшегося на мое посягнуть.

От слова "МОЕ" внутри все воспротивилось, запылало. Захотелось выплюнуть слова эти ему в холенное лицо.

— Но... Вий слов на ветер не бросает. Обещал, если сама придешь, пощадить Нияна изменника — пощажу. А ты на ритуальные камни взойдешь и моей при всех станешь, примешь меня в себе на глазах у всего народа, как положено по древнему ритуалу.

Зажмурилась, чувствуя, как железным обручем грудь сковало, как дышать стало нечем, и горло разодрало от слез.

— Речь шла о наказании... не могу вам быть отдана. Другому принадлежу и душой, и сердцем, и телом. Убейте, мое сердце выньте, мою голову отрежьте. Жизнь мою возьмите... но вашей я быть уже не могу.

За мгновение все изменилось. Я даже моргнуть не успела, как холод превратился в адский жар, и из стен вырвались языки пламени, а холенное лицо Вия вытянулось, выпуская наружу драконью пасть с желтыми клыками и длинным огненным языком, которым повел у моего лица и выдохнул жаром так, что на мне почти вся одежда сгорела. И замок вдруг стал черным изнутри, покрытым черной мозаикой с огненными краями.

— Будешь моей. Или Нияна твоего не просто растерзаю. А каждый день по куску отрублю и тебя сожрать заставлю. А если не съешь, буду рубить снова и снова.

Прорычал над головой, и от одной мысли о том, что может такое с Нияном сделать, затошнило.

— Уведите дуру. Чтоб к вечеру ее повитуха осмотрела да к ритуалу подготовила. Готовьтесь к пиру. Пусть всем объявят, что выбрал Вий новую невесту, и праздник продолжается.

Меня под руки подхватили и в покои потащили. Казалось, от ужаса сердце заходится и все тело судорогой сводит. Меня по коридору ведут, в комнату затолкали и дверь на замок закрыли. Я к окну

бросилась, и перед моим носом решетки лязгнули. К двери кинулась — шелкнули замки.

Мысленно Нияна попыталась позвать, но сама поняла, что не услышит меня, не придет ко мне.

От страха зуб на зуб не попадает. НЕ знаю, правильно ли поступила или нет... Только одно знаю, что не смогла бы иначе. Не смогла бы его там на смерть оставить из-за меня. Врожка правильно сказал — я во всем виновата. Ради меня все...

Комната сказочно красивая, а мне тесно в ней, душно, на волю хочется, и как будто все тело пересыхает от духоты этой, и запах серы в ноздри забивается.

На постель так и не села, у окна много часов простояла. Дозваться Нияна пыталась, дергала решетку толстую и всматривалась в небо черное, силясь разглядеть обсидиановые крылья Аспида.

Не знаю, сколько часов вот так простояла, прижавшись лбом к решеткам, силясь рассмотреть, что внизу происходит, как снуют туда-сюда люди, как возводят алтарь из огромных черных камней, подкатывая их один к другому и складывая в виде гигантского круга, а из-под камней языки пламени вырываются, облизывают гранит, раскаляют до бела, как металл. Я там поджарюсь, от меня и пепла не останется.

ГЛАВА 6

Лекарка пришла ближе к ночи, вся в черное завернута, платок, как на чернице, крест на крест закреплен на груди и полностью прячет под собой ее плечи и грудь, из-под платка на лбу повязка, вышитая, виднеется, ворох юбок скрывает ноги. Лицо морщинистое, худое, а глаза — молодые, янтарем отливают, но холодные, змеиные и рот ярко-алый, как у вампира. Страшная она. На ведьму похожа, и от одного ее взгляда хочется самой зажмуриться и никогда не смотреть на нее. Как будто бы вся печаль и скорбь мира собралась в ее зрачках и готова поглотить тебя, вытянуть радость, сожрать надежду и веру.

— На постель ложись и ноги раскинь. Осмотр велели Государь провести да ему все доложить.

— Не лягу. Нечего там осматривать. Прочь пошла.

— Ты норов свой поубавь. От меня не так мало здесь зависит. Я могу и на пьедестал вознести, а могу и в грязь скинуть.

— Куда уж грязнее, чем с Виём вашим таскаться.

— Молчи, чернь проклятая. Имя племянника моего трепать не смей. Кто ты, и кто он. Рот закрыла и повинуйся.

И клюкой стукнула по полу, а мне показалось, что от клюки в разные стороны пауки разбежались. Поежилась и назад от нее отступила. Холодом так и веет. Я даже плечи свои обхватила, чтобы согреться.

— Душегуб племянник твой и убийца. Руки на себя наложу, а ко мне он не приблизится.

Ведьма в ладони хлопнула, и стража вошла следом.

— На постель кладите и держать, пока все не проверю. По-хорошему не хочешь — будет по-плохому.

Я сопротивлялась, кричала, но это все равно, что по скалам кулаками бить и пытаться сдвинуть каменные глыбы. Уложили насильно, придавили к матрасу.

— Зеньки позакрывали, не то морок нашлю — ослепнете.

Зашипела на стражников и ко мне приблизилась.

— Красивая. Слишком красивая для человечки. Я их много перевидела, перетрогала да в землю схоронила косточки их обугленные. Другая ты. Только понять не могу... какая и откуда. То ли заклятие тишины на тебя наложено, то ли заколдовали так, что от человечки не отличить...

Волосы мои тронула, а я от нее назад, а когда ее пальцы с прядями соприкоснулись, она руку сама одернула и голову вбок склонила. Юбку мою задрала и за лодыжку ухватила, рассматривая ноги, трогая мои пальцы, икры, колени, и руки ее, как змеи, по телу ползут скользкие, противные.

— Хм... и следа нет. Ошиблась я? Ведь нюхом чую этот запах, и должно быть хоть что-то, какая-то зацепка... Раздвигай бедра, не то их держать и ноги заставлю. Дай чрево твое узреть и ощупать.

Стиснув зубы, я повиновалась, зажмурилась, чтоб ничего не видеть. Пусть осматривает. На время воцарилась тишина, а я пыталась ни о чем не думать, дышать глубже и не обращать внимание на болезненность проникновения пальцев, на то, как на живот слегка надавила.

— Когда твои дни женские последний раз были?

— Не помню. Как сюда попала, так и не было ничего.

— А... мужика к себе когда впервые подпустила? Здесь чистотой и не пахнет... С кем кувыркалась? Отвечай.

— А что племянник не поделился? Не рассказал?

Она вдруг у изголовья оказалась и глазами своими мерзкими меня к кровати пригвоздила, так, что дыхание перехватило и показалось, что взглядом этим сейчас душу мою вытащит.

— Говори, кто тебя невинности лишил. Не то дух из тебя вышибу.

— Второй твой племянник... Ниян.

— Аспид? — удушье прекратилось, и глаза ведьмы теперь шарили по моему лицу и по телу. — И ни одного ожога... Что ж ты такое?

Ее пальцы грудь мою ощупали и низ живота.

— Когда брал тебя в последний раз?

— Недавно. Не считала. Я говорила царю вашему, что другому принадлежу. Пусть отпустит меня.

Ведьма во весь рост встала и усмехнулась кровавым ртом, глаза загорелись.

— Неет... он теперь тебя совсем не отпустит. Тыгыты — это то, что надо Вию. Знать бы еще, как семя туда драконье попало да проросло, а ты жива до сих пор. Не иначе как чудо чудесное. Только Григорина в чудеса не верит. Только в колдовство и морок.

— Что проросло? Ты по-русски говорить можешь? Что за язык у вас здесь деревенский?

— Тяжелая ты. К зиме родишь Дракона-Наследника.

— Чтоо?

А она уже юбку одернула, руки с кувшина водой полила.

— Какого наследника? Ты что несешь, старая?

— Под мужчиной была? Была. А от этого дети появляются. Состриги мне свои волосы и ногти, и в чашу положи.

— Еще чего? Зачем?

— Кто много знает — мало живет. Не спрашивай, и шкуру свою сбережешь. Здесь за одно лишнее слово сгореть живьем можно. На. Стриги.

Протянула мне ножницы. Я срезала несколько прядей и ногти в блюдце.

— Руку протяни и ладонь раскрой.

Я не торопилась, и Григорина схватила меня за запястье.

— Раскрывай.

Едва я пальцы разжала, как она полоснула меня ножом по ладони и тут же мою кровь выдавила в чашу.

— Вот и все. А теперь сиди тихо и жди своей участи. Да много не говори. Покорной будешь — счастье на тебя свалится... Хотя и не положено тебе его. Блудница. Без ритуала и женитьбы понесла, окаянная. Не будь ты брюхатая... устроила б я тебе тринадцать проклятий.

Она вышла и двери на замки за собой закрыла, а я следом бросилась и начала колотить в них ладонями, биться изо всех сил, а когда совсем обессилела, на пол сползла, только тогда вдумалась в смысл сказанного ею.

Ребенок во мне. От Нияна. Вот о чем ведьма говорила. Беременная я. На секунду от счастья дух захватило, и руки невольно к животу вспорхнули, прижались ладонями. Маленький во мне. Его малыш. О, Божееее. Наверное, теперь меня отпустят. Зачем я Вию с чужим ребенком?

Все ждала и ждала, когда придут за мной и выпустят из светлицы, но вечер близился, но так никто и не появился. А я представляла себе, как Нияну скажу, как его янтарные глаза вспыхнут жидким золотом, как к себе прижмет и скажет "Ждана моя"... Ждана... срослось это имя со мной, моим стало. Как будто всегда так и звали, как будто нет ничего более правильного, чем его Жданой быть, долгожданной, ждущей... Ведь даже слово "надежда" происходит из слова "ждать".

Внизу какая-то музыка заиграла, и нарастал гул голосов. Я бросилась к окну и глазам своим не поверила — пиршество никто не отменил. Вокруг алтаря собралась толпа с факелами, они гудели какую-то песню, размахивали руками и шатались то в одну сторону, то в другую. Женщины подбрасывали венки в воздух, а мужчины вышагивали вперед и назад с серпами, взмахивая ими какими-то замысловатыми движениями.

— Чу, Идет царь,

Наш государь.

Девку берет,

В пламя кладет.

Не умерла...

И понесла

У алтаря,

Сын для царя,

Родит она

Государя...

Речитативом, отбивая ритм ногами и руками. Я к решетке лицом прижалась, сиюсь рассмотреть, кого везут на площадь в крытой повозке. Голоса холопов все громче, факелов все больше. Размахивают ими, создавая иллюзию сотни зажженных фонарей. И красиво, и жутко одновременно. Из повозки вытянули девушку в длинной белой рубахе с длинными распущенными волосами, ее светло-голубые волосы развевались на ветру, и я с ужасом прильнула к решеткам еще сильнее, глаза своим не веря — там, внизу, была я... точнее, кто-то точно такой же, похожий на меня как две капли воды. Внезапно из толпы ведьму выхватила, и она на меня смотрит, а глаза дьявольские сверкнули, и губы растянулись в ухмылке. Ведьма. Вот он морок... Как она это сделала?

Я руку подняла и пальцы распахнула, а на ладони и следа от пореза не осталось, только капли воды вместо крови, будто рука вспотела. Снова вниз посмотрела, как мою копию вытянули к алтарю. Как распяли на нем и под речитатив уложили на камни.

— Царь наш приди,

Пламя неси...

Загудели еще сильнее, подняли все факелы вверх, словно призывая кого-то, задрали лица к небу, и я голову подняла. Увидела, как небо вначале стало фиолетовым, потом заалело, и огромный алый ящер, рассекая крыльями воздух, спикировал над головами людей вниз, поблескивая оранжевой чешуей, под которой змеилось пламя. Он несколько кругов над девушкой пролетел, завис, размахивая крыльями так, что люди на землю упали и головы руками прикрыли. Факелы потухли, но от самого дракона исходило красное сияние такой силы, что казалось, слепило всех вокруг.

— Нееееет, — послышался вопль моей копии, она зажмурилась, когда чудовище ринулось на нее. Вокруг алтаря вспыхнуло столпом пламя. Я только могла теперь догадываться, что... что оно делало с несчастной. Дикий вопль боли сотряс все вокруг, и я зажала уши руками, содрогаясь всем телом от жалости и дикого ужаса. Сумасшедшие фанатики продолжали скандировать свою адскую песню, лежа на земле, а позади меня открылись двери, и стража схватила меня под руки, а затем потащила вниз. От собственных криков я оглохла, от страха отнялись ноги и руки, и когда меня в каком-то мешке вытянули на площадь, я не сразу поняла, что происходит. В себя пришла, только когда горячим воздухом, как из жерла домны, пахнуло в лицо. Глаза широко раскрыла, видя над собой алое чудовище с оскаленной пастью. Оно крыльями взмахнуло, поднимаясь постепенно вверх... а я оказалась лежащей на алтаре с задранной юбкой и перемазанная сажей.

— Вот онааа. Истинная невеста Вия. Выжила. Стерпела ласки государевы. Ваша будущая госпожа.

Чей-то голос выкрикнул, а за ним подхватили другие.

— Нашлась невеста настоящая. Избранная.

— Чудо свершилось.

— Проклятие снято.

Меня стянули с алтаря и понесли на вытянутых вверх руках, а чокнутые холопы швыряли на меня лепестки цветов и снова пели свою жуткую песню.

— Невеста Вия... невеста Вия...

Я ничего не понимала, мне казалось, это какой-то жуткий фарс... зачем он был разыгран, какая я невеста, если жду ребенка от другого?

Меня внесли обратно во дворец, но уже с парадного входа. Вымыли, переодели в чистую одежду, волосы в виде кокошника заплели, а затем повели в огромные палаты с вензелями на дверях в виде алых змей. Ввели в огромную залу, в которой я уже была, и оставили там одну. Медленно я прошла к трону и увидела вблизи, что острые штыри сделаны из хрусталя, а он в свою очередь усыпан драгоценными камнями. Я дотронулась до них, и белый цвет тут же сменился на ярко-бирюзовый, и камни засверкали голубым свечением.

— Скоро здесь будет стоять еще один трон.

От неожиданности я обернулась и отшатнулась назад — передо мной стоял Вий, одетый в красные одеяния, расшитые золотом.

— Когда меня отпустят? Вам ведь уже сообщили о том, что я жду ребенка... от Нияна?

С милой улыбкой Вий вдруг схватил меня за волосы и дернул к себе.

— От меня ждешь ребенка. И если хоть раз еще скажешь иное, останешься без языка. Для рождения ребенка он тебе не нужен.

— Отпустите... это не ваш ребенок, и я не ваша.

— Будешь моей и ребенка моим объявишь, не то вырежу из тебя твой плод наживую, тебя сожгу вместе с любовником твоим и ублюдком.

— Зачем?

— Затем. Заткнись и делай, что говорят. Завтра на том же алтаре женой моей станешь, а через время признаешься, что сына моего носишь. Иначе я тебе твоего Нияна по частям подарю. Ясно?

Я смотрела в холодные змеиные глаза Вия и чувствовала, как все тело покрывается мурашками. Нет в нем ничего человеческого, ничего чувствующего. Только лицо это женоподобное и глаза мерзкие.

— Секунду даю тебе на размышление. Да или нет? Станешь женой моей и объявишь всем этого ребенка моим или подпишешь смертный приговор братцу моему предателю?

И ощутила боль от того, как в голову мою вторгся, как Ниян когда-то. В голове, в подсознании болью вспыхнула картинка, стала явной, отчетливой, как будто я вдруг оказалась не в огромной зале, а среди шатающихся от ветра деревьев. И стены смазываются, сливаются с сизым небом, превращаются в могучие стволы, а колонны — в лапы елей, мрамор под ногами становится исковерканной землей, а вдалеке Ниян лежит, раскинув руки, кольчуга изодрана, меч сломан, весь он кровью залит. Лежит совсем один с широко раскрытыми глазами, а над телом коршуны кружат и воронье каркает...

— Да. Стану тебе женой. Стану, — заорала изо всех сил, и проклятая картинка исчезла... обессилив, рухнула к ногам Вия.

— Стану... только отпусти его и никогда не тронь... жизнь и свободу поклянись дать взамен.

— Клясться не буду. Слова Вия достаточно. Отпущу на все четыре стороны, как пса шелудивого. Пусть живет твой Ниян. Все равно вся Навь теперь моей станет. И ты... тоже.

ГЛАВА 7

Отступили они. Сами. Даже битва начаться не успела. Он был готов к ней. Выстроил отряд и ждал, когда красный дракон рассечет своими крыльями небосвод, и тогда взметнется он ввысь и сразится с ним.

Из-за нее... И нет совести, нет чести, ничего нет. Все попрал. От одной мысли, что другой коснется, аспид внутри мечется и кости испепеляет дикой болью.

Не войны хотел. Хотел с братом поговорить... как брат. Но не вышло. Не с Виём. Между ними всегда пропасть была.

Как провозгласили наследником, так и пролегла меж ними стена из золота да аметистов, устилавших дорогу к трону.

На поляне встретились, окруженные стеной огня. Вдвоем. Казалось, Вия не видел веками. Да и не за чем было. Предназначение у них разное. У одного земли Навские стеречь и воевать, а у другого править этими землями и наследников рожать. Да таких, как Ниян на кол вздергивать.

— Здравия тебе, мой Владыка, — и поклонился Вию. Рукой до земли достал, отдавая честь царю.

— Ты. Как посмел мое взять? Али забыл, кто на самом деле?

Ниян резко выпрямился, гнев подавил и на брата из-под нахмуренных бровей посмотрел.

— Не забыл... да и ты не забывай, как резвились вместе и как спиной своей твою царскую прикрывал от отцовского гнева.

— Ты еще вспомни, как одну сиську у кормилицы смоктали.

— Не гневись, брат. Одурманен я, зачарован, сердца лишен. За нее готов наказание нести. Изгони, земли заberi, остров весь тебе отдам с сокровищами... только Ждану не тронь.

— Ждану?..Моей невесте имя дал? — и посохом золотым о землю ударил.

— Полюбила она мне. Люба, понимаешь? И я ей люб. Дай благословение и отпусти с миром. Откуплюсь, чем скажешь. Жизнь за тебя отдам.

А перед глазами картинки, как два пацаненка на мечях дерутся под гоготание придворных и снисходительный смех отца. Картинки, как уложил светловолосого Вия на лопатки, и царь крикнул:

— Кости ему переломай, коли дал себя побороть незаконнорожденному.

— Смилуйся, отец.

— Ломай.

Он тогда себе пальцы сломал, чтобы брата не ударить, чем заслужил плетей огненных и трехдневной темницы.

— О чем просишь, смерд? Пес шелудивый. Ты кем себя возомнил? Ты — пыль под ногами царя. Прикажу, и портки свои мне отдашь добровольно. А была б мать жива, и ту бы под меня положил, ибо я — царь твой и повелитель.

Ниян тут же вздернулся и ощутил, как зазмеился под позвоночником аспид, как вспороли кожу острые шипы вдоль хребта. Слова брата больно резанули по ребрам. Захотелось их обратно в глотку высокомерную затолкать. Но он прикусил язык. Все ж еще можно попробовать по мирному, по-братски.

— Девку ко мне выведи и лично мне в ноги положи. Голую. Чтоб видел, за что брата предал. Отдашь — живым станешься. Не отдашь — уложу и тебя, и войско твое, а девку все равно себе заберу.

Их взгляды скрестились, и Ниян ощутил, как налились огнем глаза, как выдохнул жаром и сдвинул руки в кулаки.

— Не заберешь. Моя девка. Не пройти тебе к замку, Вий. Миром отдай, заклинаю. Не то лютой ненавистью к тебе воспылаю.

— Да ты кто такой, чтоб царю угрожать? Пройду по твоим костям. И даже их проклянута и в Межмирье закопаю среди мракобесия. Чтоб и помянут никто нигде не смог.

— Рискни.

И руку на меч положил, нагревая рукоять внутренним жаром, так, что сталь разогрелась добела.

— На царя руку поднимешь, и тебя, и девку твою изничтожат. Таковы навские законы.

— Пусть изничтожат, но тебе не отдам. Моя она.

— Вот как заговорил, предатель. Давно надо было тебя, приплода от лярвы смердючей, в шею гнать, в недры Чар-горы отправить, чтоб воду не каламутил. Говорил мне Лукьян. Да не слушал я.

Держится Ниян, изо всех сил держится.

— Отпусти нас. С миром прошу. По-хорошему. Уйду, а ты себе еще сотни таких сыщешь.

— Не отпущу. На колени поставлю и при тебе девку твою отымею. Хочу ее. Потому что мое своим назвал. Теперь это, брат, дело принципа — сучку твою покрыть и себе забрать. А хочешь... коли после меня в живых останется, подберешь. Так уж быть. Обноски царские разве не гордость.

Взревел и пошел на царя, на ходу обращаясь, выпуская драконьи шипы, сквозь натянувшуюся кожу, чувствуя, как через ногти рвутся когти ящера, как лопается кожа и чешуя змеится по ней, распарывая плоть. Смотрит, корчась от боли, как точно так же рвется на волю сущность Виевская, как длинный красный хвост взвился и ударил по земле, выбивая столпы огня. Взревел нечеловеческим голосом:

— К бою, воины. На смерть стоять.

И взмыл вверх, нависая над красной, оскаленной тварью. Его это место. Не зря Вия именно сюда заманил. Врожка шельмец все просчитал.

— Коли к нему выйдешь вот здесь, он вас, как вошек, пощелкает, под ноготь загонит и раздавит. Нельзя сюда.

— А куда? Умник.

— К горе веди. Вот сюда. Здесь на вершине и здесь можно камнепад устроить и раздавить половину Виевского войска.

Врожка на песке нарисовал горы и между ними точки-воины.

— Не дай воинам обратиться. Камни сбросят пущай до того, как возня начнется. Знак подай.

— Хорошо... Отличная мысль, Врожка. А ты, значит, думал о том, как Вия подолать?

— А то. Как не думать, когда ты голову свою на плаху сложил и топор царю в руки дал. Я охранять тебя должОн. Обещалси. Так что ежели выбирать придется, тебя выберу. Князя мого.

— Если что со мной... увези ее ТОТ мир. Отпусти. На острове все, что хочешь, бери на откуп тварям. Здесь не оставляй. Пущай там живет, среди своих, как привыкла, и не бедствует. Переход память ей сотрет и... и не вспомнит обо мне и о Нави.

— Если что с тобой. Чтоб язык отсох.

— Не отсохнет. На смерть иду. Войско Вия огромное. Куда мне с ящерами моими тягаться с ним. Но я потягаюсь, ежели по-доброму Ждану не уступит.

— Взял бы ты, князь, свою Ждану и схоронился с ней, где подальше.

— Шел бы ты, Врожка, в зад ослиный. Аспид — не трус. Аспид за свое постоит. Отцом мне замок подарен, остров отдан. Не за красивые глаза и не за трусость, а за то, что в боях с нечистью не отступал никогда, за то, что шрамами от ледяных стрел покрыт, за то, что нежить сдержал в Великих боях. А сейчас от Царя прятаться буду?

— Гордость твоя дурацкая. Не нужная никому. Иди. Сражайся.

— А ты за Жданой моей смотри. Береги ее. Пуще себя береги, пуще воздуха. Понял? Вернусь, спрошу с тебя.

— Понял... давно понял. Как не понять. Ты... это... ты ежели что, отступай.

Усмехнулся и потрепал Врожку по рыжим космам.

— Где это видано, чтоб полководец отступал?

Стрелой вниз летит и смотрит, как с горы с обеих сторон камня покатались, пылающие огнем, как

— Могла. Своими глазами видел и ушами слышал.

Резко развернулся и посмотрел с дикой яростью на шута.

— А ты где был?

— Морок на меня навел, проклятый. Ни крикнуть, ни пошевелиться не мог. Только когда улетели, дар речи вернулся.

— Ненадолго. Чтоб к утру свой язык мне принес. Выбирай — либо сам жив останешься, но немой, либо сгоришь дотла.

Встал с колен и с диким рыком разнес все в комнате, в щепки, в клочья. Вещи ее разодрал.

Потом с постели простынь сдернул и лицом в нее зарылся, вдыхая аромат.

— Не могла... Знаю я. Нутром чую. Войной на Вия сам пойду и заберу ее.

ГЛАВА 8

О свадьбе царской трубили во всю, и до меня доносился переливчатый звон и песни дивные, напеваемые народом. Вся улица усеяна розовыми лепестками одилиска, цветка нежности и невинности.

Каждое утро за мной свита приходит царская, горничные девки, мамки. Сопровождают целой толпой, шлейф от платья несут. А мне кажется, голова сейчас отвалится от тяжести кокошника, разукрашенного золотом, увенчанного камнями драгоценными с рясами у висков с убрусом, подвязанным сразу под подбородком. Платье тяжелое, твердое, впивается мне в тело.

Вий в зале ожидает за накрытым столом. Рядом с ним по правую руку тетка Григорина сидит, как всегда, во всем черном и ягоды в рот отправляет пальцами, унизанными перстнями.

Она же проверяет еду и питье царя и, если что-то кажется ей подозрительным, кивает на блюдо и его уносят, а потом во дворе слышится истошный вопль повара, которого режут, как свинью, лишь за то, что Григорине показалось, что яства отравлены.

Она же внимательно следит за моим рационом и пристально наблюдает за тем, как я ем.

— Рыбу положи, наследнику силы нужны, чтобы родиться. Ему не только из чрева твоего выбираться, но и из плотного яйца каменного, что внутри тебя растет вместе с драконом-младенцем.

Вий кивает, и мне в тарелку подкладывают рыбу. Я ее и вовсе есть не могу. Воротит от нее. Сразу хочется все содержимое желудка на пол исторгнуть. Никогда рыбу не могла есть, как увижу, так и жутко становится, горло тисками сжимает.

— Золотая, для тебя поймана. Сидор. Неси аквариум, покажи царской суженой, какую рыбу для нее поймали.

Хлопнул в ладоши, и в залу занесли огромный аквариум, в котором металась рыбка, покрытая ярко-оранжевой чешуей с красивым волнистым хвостиком. Казалось, она, и правда, отлита из золота, а янтарные глаза с большими черными зрачками испуганно блестят, как глянцевые камушки.

— Все три на блюдо для тебя живьем зажарены. Эта осталась. Ты знаешь, что это за рыба? Из водоема, где нога человека не ступала, где правит царь морской Властибор.

Я на рыбку посмотрела, и внутри что-то сильно сжалось, как будто всколыхнулось, как будто дышать стало трудно. И я словно вижу, как она, широко открывает рот в сетях рыболовов, а потом беззвучно кричит и плачет. Тряхнула головой и на Вия взгляд перевела.

— Воротит меня от рыбы. Не могу есть. Я лучше мяса. Если можно.

— Пусть мясо принесут, а эту селедку уберите, воняет от нее тинной и дном морским. Вышвырните, пусть дохнет без воды. Говорят, тварь редкая. Пусть у Властибора на одну золотую селедку меньше станет.

Слуги вытащили сачком рыбку и швырнули за дверь на мраморный пол. Внутри аквариума всколыхнулись желтые цветы и потянулись следом за рыбкой, а потом упали на дно.

Вий брезгливо поморщился, и Григорина достала пузырек, открутила крышку и поводила у носа царя тоненькой палочкой, прикрепленной к крышке флакона. Запахло чем-то приторным и неприятным.

— К свадьбе все готово. Пиршество сегодня начнем, а завтра с первыми лучами солнца моей станешь, примешь принадлежность, кольцо и крови моей изведает.

Сказал Вий и кубок ко рту поднес.

— Нельзя твоей, — возразила Григорина, — жаль, но нельзя. Убьют младенца чужого самца клетки. Животную кровь ей дашь, подменишь бокал. Остальное в ритуале можно оставить.

— Тогда не будет связи, — Вий подался вперед и ударил кулаком по столу.

— Значит, не будет. Родит, и установишь связь. А пока что, если хочешь на престоле утвердиться — подождешь.

— Прочь пусть идет, — кивнул на меня, — смотреть на нее не могу, чтобы не думать, как она с братом моим кувыркалась.

Я руки в кулаки сжала.

— Лярва Ниянова. Вон пошла.

И на дверь пальцем указал. Я медленно встала из-за стола, вышла за огромные, приоткрытые для меня стражами двери. Они так же с грохотом захлопнулись. Я выдохнула и разжала кулаки. Мать твоя — лярва, и сучка твоя тетка — тоже лярва. Ублюдок проклятый. Неподалеку у моих ног задыхалась без воды золотая рыбка. Я наклонилась, подхватила ее в руки и быстрым шагом пошла по широкому коридору. Пока несла, рыбка хвостом дергала и широко открывала рот.

— Погоди, милая. Сейчас найду воды. Сейчас станет легче.

Когда к хрустальным дверям, ведущим из дворца наружу, подошла, стражники скрестили перед моим носом копыя. Противные ящеры-истуканы. Я изловчилась и бросила рыбку в фонтан, бьющий серебряными струями, убегающими в ярко-синий водоем. Золотистая чешуя сверкнула на солнце и исчезла под водой.

Я в палаты свои отправилась. Все эти дни искала, как сбежать отсюда, как знак Нияну дать. Но ни одной лазейки. На ночь из комнаты не выйти, окна зеленой дрянью всегда опутаны, а за дверью стражники и под дверью служки спят.

Едва в палаты вошла, тут же встрепенулись, ко мне бросились утренний наряд снимать, да переодевать в платье для отдыха, косы чесать гребнями.

— Вон пошли. Сама разденусь, — махнула на них руками и перед зеркалом стала, стянула кокошник, швырнула рядом с чаном для купания. Пальцы расстегнули платье, освободилась от пышных рукавов, стянула шелковый подол и вздохнула с облегчением, и вдруг словно издалека услышала:

— Надобен мне больно приплод Нияновский. Так бы и выдрал из чрева да задушил обеими руками.

— Погодь. Не горячись. Родит она, дашь ему пару недель пожить и земь его, скажем, с колыбели выпал да убился.

— Может, сам сдохнет на Чар-горе.

— Может, и сдохнет. А коли нет — уничтожим. Но вначале пусть тебя ГОсударем провозгласят и корону на тебя царскую бояре наденут.

Медленно развернулась к чану с водой и увидела, как в нем на поверхности всплывают желтые цветы, похожие на маленькие граммофоны... точно такие же, как остались в зале, в аквариуме.

Я не верила, что слышу голоса Вия и Григорины, так, словно... словно у них там прослушивающее устройство. Посмотрела на воду и словно увидела, как внизу махнула хвостом золотая рыбка. Я ниже наклонилась, а маленькие граммофончики змейкой потянулись вдоль деревянного края чана.

— Кто впустил?

— Не вели казнить, вели миловать. Войско Ниян собрал. Войной на тебя идет. Люд, говорят, за ним тянется, смуту развел брат ваш, Владыка.

— Посмел... таки посмел против меня. Прочь ступай. Вели советникам в зале собираться.

— Мракомира поднимай и сделку с ним обговаривай. Мертвь встанет и за тобой пойдет, тогда ни один из Нияновских и люда не выживет.

— Проклят Мракомир отцом. Не добратся до него.

— Доберешься. Заклинания знаю, подземных змеев, братьев наших, на помощь призову.

— Много захочет Мракомир.

— Зато от Нияна раз и навсегда избавишься. Истребишь вначале его, а потом и семья его, и глядишь, может, Ждана от тебя понесет. Привяжешь к себе, покроешь ее, как только наследников не останется. А Нияново сердце Мракомиру отдашь, чтобы вернуть ему облик человеческий и силу змеиную, и свободу вернешь. Пусть правит в Межмирье, как раньше. Тебе то что.

— За брата своего младшего заступаешься? Вытащить мертвь из-под земли удумала? Но, да, права ты, старая... без мертви мне не управиться. Пора покончить с Нияном.

— Чу... не одни мы... колдовство здесь.

Раздался всплеск, и голоса пропали. Я отпрянула от чана, чувствуя, как бешено колотится сердце, и глядя, как медленно исчезают желтые цвета, как будто их и не было.

Свадебную церемонию ждала в ужасе. Металась по светлице, запертой со всех сторон. Богу молилась, стоя на коленях, только есть ли он здесь, Бог? В этом жутком месте, скорее похожем на Ад. Комнату ведьма запломбировала и ритуалы свои провела, чтоб колдовства не было. Воду заговорила при мне и шепотку какой-то дряни фиолетовой туда бросила так, что облако поднялось к потолку и завоняло эфирными маслами. На меня глазами зыркнула и к двери поплыла.

Утром рано целая свита пришла, одевали в белые шелковые рубашки, сверху сарафан из парчи, расшитый бисером и камнями драгоценными. На манжетах ленты кружевные, волосы косами уложены на голове, как ручки амфоры, и унизаны бусинами, прикрыты сверху кружевной фатой.

На смерть ведут. Нет ничего страшнее венчания этого, нет ничего страшнее предательства, навязанного мне Виём, и планов его жутких насчет Нияна.

Весь ритуал смотрела сквозь кружево фаты, и перед глазами картинка, как выхватываю кинжал из холенных пальцев Вия и себе в грудь вонзаю... а потом сердце дергается. Нельзя мне. Внутри ребенок Нияна. Вот-вот забьется. Зашевелится. Маленький, беззащитный. Родится и... уничтожит его Вий. Только вначале и меня уничтожить придется.

— Клятву произноси, — зашипел на ухо змей проклятый, руку мою стискивая до синяков. От ненависти всю передернуло. Как будто ненависть эта вместо крови по венам течет.

— Ни за что.

— Не произнесешь, на этом алтаре из тебя семя его вырежу, вскрою от горла до лобка и вытащу вместе с кишками, — зашипел протяжно, по-змеиному.

Невольно руками живот от него закрыла. Надо успокоиться. Закончится церемония, и подумаю, я успокоюсь и начну думать. Бежать надо отсюда... придумаю как. Обязательно придумаю.

Глаза закрыла и клятву произнесла речитативом, повторила следом за волхвом, который обряд скреплял заклинаниями и плясками вокруг костров.

— Вот и все. Вот и заключен брак между Виём Великим и Жданой, и ничто его не отменит и не разорвет. Ничто, кроме смерти.

Толпа заверещала, завопила. Цветы в нас принялась швырять и горсти пшена, а им под ноги монеты золотые царские слуги сыпали, и возносили люди имя Вия и мое. За золото чье угодно имя вознесут даже самого жуткого ублюдка. А мне от звучания этих имен вместе дурно становилось, и все внутри сжималось. Предала я Аспида моего, клятву произнесла, отреклась от любимого. Узнает и никогда не простит.

Затем в залу огромную меня увел царь, а вся свита и гости следом пошли. Дождались за дверью, пока Вий на трон усядется и меня жестом пригласит соседний занять. На дрожащих ногах взшла по ступеням и села на мягкие подушки. К ногам поднесли табурет, расшитый золотом, и ступни мои на него поставили. Двое слуг принялись обмахивать нас опахалами и кубок мне поднесли с виноградным соком. От сладости скулы свело, но голова так кружиться перестала.

Дверь настезь распахнули и гостей по одному с подарками начали впускать. Я пальцами в поручни трона впилась и изо всех сил держусь, чтобы не закричать, не зарыдать, или не сползти на пол от слабости и отчаяния.

А на ковер сундуки ставят, ларцы, меха и золотые арбалеты, ткани свертками, кружева и зеркала. Вий улыбается высокомерно, подбородок задрал кверху. Руки мои целуют, поздравляют. Хорошо хоть лица моего не видят. Скрыто оно фатой, и до тех пор, пока ночь брачная не пройдет, нельзя снимать. О ночи и думать страшно... если войдет ко мне, с ума сойду и не выдержу. Наложу на себя руки.

Шествие гостей почти к концу подошло, как вдруг свечи все задуло на мгновение, факелы погасли и снова вспыхнули, а по полу прошли черные вихри пепла и дымки. Вий выпрямился на троне, а придворные несколько шагов назад сделали и глаза закрыли. Вдалеке послышался грохот, как будто что-то тарахтит, серой запахло резко, и дышать стало трудно. Дверь как будто ветром колыхнуло. Все голоса смолкли, и в залу вошел высокий мужчина. Его длинные черные волосы, свисающие из-под низкого капюшона, доставали почти до пола. Сплетенные в мелкие косы, они были похожи на сотни тонких змей, с нанизанными на концах черепами с красными светящимися глазами. Весь закован в черные доспехи, в железных перчатках и в сапогах со шпорами, похожими на лезвия бритвы. Укутан в черный плащ, лицо не видно, только в черноте капюшона поблескивают красным фосфором глаза. От ужаса дыхание перехватило, и я пальцами сильнее впилась в подлокотники. Следом за жутким гостем шла его свита в таких же черных плащах и черных

доспехах. А за ними на железных цепях псы с красными горящими глазами и хвостами шипастыми идут. Из пастей валит красный пар и смердит мертвечиной.

Гость напротив трона остановился, и Вий склонил голову набок.

— А вот и брат Мракомир пожаловал. Каков твой дар своему царю?

— Как и было обещано. Вот твой дар.

Из-под плаща вытащил ларец и к ногам царя поставил. Когда наклонялся, я успела увидеть вымазанное то ли краской, то ли татуировками лицо, напоминающее человеческий череп. Выдохнула от страха, и Мракомир оскалился.

— Красива жена твоя, брат... стоила жизни Нияна. Теперь и сам вижу. Принимай свадебный подарок.

Двое жутких слуг откинули крышку ларца, и я чуть не закричала, под хрустальным колпаком билось и пульсировало сердце. Мое в ответ сжалось, заболело и истекло кровью.

— Вот оно — сердце Нияново. Сожжешь сам на рассвете и силу его себе заберешь. Мракомир держит слово. Даже когда оно взято низостью... и братской кровью замарано. Да не мне судить. Сам бы сердце твое выдрал не задумываясь. Но договор есть договор.

Я, кажется, закричала громко, истошно, так, что стены содрогнулись, и на колени к ларцу сползла.

— Унеси жену, Вий... позорит тебя девка...

— Тяжелая она, а зрелище не для слабонервных. Спасибо за дар, Мракомир. Оставайся на пиршество...

— Ключи...

Прогредел голос жуткого гостя, и последнее, что я увидела, прежде чем потерять сознание — это черный, длинный, унизанный острыми лезвиями жезл, который лег в ладонь Мракомира.

— Ежели нет... то и не надобно тебе его возрождение, и никому не надобно. Не сбудется пророчество. Не время. Не та и не тот.

— Какое пророчество?

Но тень исчезла, а змея в окно выскользнула... только шторы туда-сюда раскачиваются.

Я к кувшину с водой бросилась и плеснула на себя воду, обливаясь с самой макушки и до ступней ног.

— Спрячь скорей водица того, кто в ней родился.

И... ничего не почувствовала. Застонала от досады, к окну бросилась, чтобы змею позвать или высмотреть. Но резкий порыв ветра закрыл рамы, и я вдруг поняла, что не отражаюсь в них. К зеркалу подбежала, а там пусто. Нет меня. Только на полу капля воды, и свежестью пахнет.

В подземелье лестница ведет узкая, крутая. Из скользкого камня, без перил и поручней. Как будто в воздухе повисла, в самой черноте. Я мимо стражи прошла, никто меня не увидел, и по ступенькам спускалась, стараясь вниз не смотреть. Внутри прохладно, жутко. И отчаяние сплелось с надеждой и диким желанием вернуть Аспида. А под ногами уже лед, и ноги примерзают к ступеням, а меня, насквозь мокрую, пробирает адским холодом.

С каждой ступенькой как в преисподнюю иду... А если не смогу сердце достать, если им не избрана, если не нужна ему была, то как спасти?

С последней ступени в темноту шагнула и... поняла, что ничего совершенно не вижу. Ни сердца, ничего совершенно. Как будто в черной дыре стою. Пошла вперед наощупь. Ногами только пол холодный чувствую, куда иду, не знаю. Но когда несколько шагов сделала, повсюду вспыхнули факелы, и я увидела, как на двух массивных, покрытых инеем железных цепях раскачивается закованный в железные браслеты, прозрачный ларец, а внутри него сердце лежит... мертвенно синее, покрытое искорками льда. Как будто закристаллизовалось оно. Подошла близко и... застонала от разочарования. Не почувствовало оно меня. Так и лежит там, на дне. Как кусок льда.

— Если... не заберу тебя отсюда, сама здесь навечно и останусь, — прошептала очень тихо и обхватила хрусталь обеими руками, склоня к нему голову, чувствуя, как слезы катятся по щекам. — безродная человечка, так ты меня называл. Глупая человечка. Такая глупая... только я теперь точно знаю, зачем в мир этот попала. Твоей родилась. Даже еще когда не было меня... уже тебе принадлежала, и не было у меня иной цели. Для тебя рождена, для тебя и умру... и сына нашего с собой заберу.

Вспышка жара была внезапной и очень сильной, настолько яркой, что я на секунду ослепла. Хрусталь под пальцами стал как кипятки и стек горящими каплями на пол, словно воск, а я сердце ладонью поймала. Ярко-алое, горящее пламенем. Платком мокрым накрыла и к ступеням метнулась, чувствуя, как от ликования дух перехватывает, и мое собственное сердце так же пылает и горит, как и драконье в платок спрятанное.

И куда бежать теперь? Где они болота эти... Как узнать? Но ноги сами ведут, бегу, не знаю куда, по тропинкам, по саду, мимо охраны, которая все еще не видит меня... Не видит пока мокрая, а значит, бежать надо быстрее. А впереди меня арка, по бокам сотни факелов, торчащих из драконьих пастей. Но нет времени и останавливаться нельзя. Побежала под аркой, и от жара кожа горячей становится, и чувствую, как одежда на мне высыхает, как волосы больше к спине не липнут... а значит, и невидимость моя испаряется. Пока крик не услышала.

— Эй. Ты. Кто такая?

И побежала быстрее, не оборачиваясь.

— Тревогааа. Ату ее. Взять, — затрубил горн, и я услышала позади себя лай собачий, грубый, жуткий. Помчалась быстрее, в траву прыгнула ногами горячими. В руках сердце держу и к себе сильнее прижать боюсь, чтоб не треснуло, не разбилось.

Кусты и деревья в волосы впиваются, плющ проклятый путает мои лодыжки, пытаюсь удержать, колючие ветви терновника по лицу царапают. И позади слышится дыхание псов, зловонное, едкое. Оно до меня доносится и вызывает тошноту.

А сквозь него наконец пробивается запах тины. Значит, болота рядом, и надо бежать быстрее. Но ноги устали и исколоты, лицо в кровь исхлестано ветками. Собачьи пасти вот-вот в пятки вцепятся. Обернулась и от ужаса чуть не заорала — трехголовые, жуткие твари изрыгают синее пламя и несутся следом за мной. И не так за себя страшно, как за ношу свою бесценную.

До воды еще несколько метров осталось, но я уже не добежу... Остановилась, сердце к себе прижала

и... вдруг увидела, что псы не идут дальше. Остановились, поскуливают, лапами перебирают, но не идут.

— Твари уродские. — крикнула я.

И шаг назад сделала, нога поплыла по грязи, и меня тут же затянуло в черную жижу. С такой стремительностью, что я от неожиданности громко вскрикнула. Псы покрутились возле берега и исчезли в кустах мертвого леса. А я, тщетно барахтаясь, пыталась удержать свой сверток на весу, подняв руку вверх. Вспомнила, как учила когда-то мать, когда трезвая была, что в болоте дергаться нельзя, иначе засосет еще сильнее и глубже. И где она, кикимора эта? Где искать ее?

— Спасите, — едва слышно прошептала. — Помогите, — уже громче. — Кто-нибудь. Спаситеее.

— Че орешь?

Захлебываясь, почти по горло в жиже я с трудом повернула голову и увидела, как навстречу на деревянном плоте кто-то плывет с фонариком в руках. Запах тины и тухлой рыбы стал отчетливой.

— Помогите мне... пожалуйста, — взмолилась, пытаюсь рассмотреть, кто там в темноте, но свет фонаря бьет по глазам, и мне ничего не видно.

— Взамен что дашь?

— Не знаю... чего ты хочешь?

— Сама предложи — понравится, возьму и тебя спасу, а не понравится, пойдешь ко дну.

Голос трещит и скрепит, как будто дерево на ветру. И что мне ей предложить... у меня кроме сердца нет ничего. На руку свою посмотрела со свертком, и в свете фонаря блеснуло кольцо обручальное, Виём подаренное.

— Кольцо царское дам. Самому Вию принадлежит.

— Покажи.

Подплыла ближе, и теперь мне видно голову косматую и глаза, поблескивающие в темноте. Она фонарь выше подняла и осветила мне на руку.

— Снимай.

— Не могу... сверток в руке.

— Выбрось.

— Дороже жизни он мне.

— Ну значит, тони...

Вода грязная уже до губ добралась. Я на силуэт посмотрела, потом на руку свою. Значит, утону. Зачем мне жить без него... смысл какой. Да и о малыше моем позаботиться некому. Глаза закрыла и ощутила, как грязь пол-лица скрыла, в эту секунду меня что-то схватило и вверх вздернуло. А через секунду я уже поперек плота лежала, пытаюсь отдышаться.

— Кольцо давай.

Осторожно положила сверток и сняла кольцо с пальца, протянула ей. При свете фонаря теперь лицо ее мне видно. Страшное, с длинным кривым носом, покрытое зеленой паутиной и черными бородавками.

— Что в свертке?

— Бесценное.

— Куда везти тебя?

— К Тине... я от Пелагеи.

— От Палашки? — хохотнула кикимора, показывая гнилые зубы. — Так бы и сказала, я б тебя быстрее вытянула.

А сама кольцо рассматривает.

— Дура дурой, кольцо отдала. Царское...

Покрутила, повертела.

— Надевай и носи.

— Не могу, не положено мне... Но переплавить можно на пыль огненную и продать на мрынке.

— Мрынке?

Я выкрутила свои волосы, напитанные грязной водой, и подол платья. Так холодно, как во дворце, мне уже не было, но сырость пробирала до костей. Даже в трясине так неприятно не было.

— Мрынок. Там все продают, даже кости трехглавого купить можно. За пыль мне дадут лепестки Ришепелеста... И стану я такой красавицей, каких свет не видывал. Как сами русалки.

— Русалки?

— Тебе ли не знать... аааа... А красавицы... голодными никогда не бывают. Ыыыыы, — она заржала и руками костлявыми в воздухе перебирает, — давно не отвеживала человечины.

Стало мерзко, и я невольно отшатнулась от нее подальше.

— Не дергайся... я рыбой не питаюсь. Своих, даже дальних родичей, мне трогать нельзя. Закон такой. А нарушать не могу, чревато... Владыка наш водный пострашнее Вия будет.

— Какой рыбой?

— Что, думаешь, я запаха не чую? Несет от тебя за версту. Любая водная нечисть учует, кто ты такая.

— А кто я такая?

— Не знаю. Но не человечка точно.

Кольцо в карман спрятала и веслом гребет, гребет.

— Скоро прибудем. Про кольцо водной колдунье не говори — отымет. Я ей дань за год задолжала. Нечем отдавать было. Время сейчас голодное, лысое. Ни путников, ни искателей приключений. Люд сюда не захаживает, нечисть болота десятой дорогой обходит. Сижу вот... годами голодная, страшная.

— А ты замуж выйди, деток роди.

На меня глазами зелеными зыркнула.

— За кого? За Лешего? За жАбонов? Чай не красавица, как ты. Деток...

— Да, деток. Ты бы, наверное, хорошей мамой была.

— Хватит болтать. Мамой. Тут бы с голода не сдохнуть. Да и кому нужна такая уродливая...

— Вот кольцо продай, стань красавицей и найди себе мужа...

Кикимора косматую голову на бок склонила. Ее волосы цвета водорослей зашевелились, заструились по плечам.

— Хм... а знаешь... а можно и найти. Мракомира, грят, помиловали и из недр земли достали, а значит, князья его, графья из гробов своих повылазили и пиры начнут устраивать, девок портить и с мира людского таскать, невест искать. Умная ты девка... Удачно я сегодня болота обошла, а ведь не хотела в сторону дворца плыть. Запугали меня, что нынче Вий не в духах. Из-за тебя, поди, а? Ты у него кольцо украли? — снова заржала и носом повела. — Цыц, — палец к губам приложила. — Болота закончились, и река начинается. Здесь каждая тварь подслушать может.

Мы замолчали, и плот поплыл быстрее.

— Я тебя к мостику гадючьему довезу. Дальше сама управисься.

С каждой секундой все волнительнее и страшнее. В лесу тихо, только филины ухают, и ветер в кронах шуршит.

— Что в свертке? Что еще у Вия украли? Найдешь ведь... найдешь и на части разорвет, или живьем изжарит. Покажи, что там? Покажи, пока до моста не доехали.

И глаза сверкать начали, руки зашевелились.

— Я же вижу, как под платком светится. Золото драконье везешь? А мне только кольцо предложила?

— Не тронь, — и сверток за спиной спрятала.

— А то что? Жрать мне тебя не велено, а задушить могу... пальчики у меня уууу какие... — и они начали расти на глазах, ко мне тянутся, когти растут, закручиваются, и снова дохлой рыбой завоняло. Рот кикиморы оскалится, и зубы заострились. Я дернулась, и край платка в сторону сполз. Кикимора вскрикнула, назад отшатнулась, сразу в росте уменьшилась, зашипела, как кошка...

— Сердцеее Аспида.

И на меня глазами испуганными смотрит.

— Избранная. Никто в руки голы взять не может... сгорит заживо... Иди... иди. Вот мост. Чур меня. Так бы жизни и лишилась. А она молчит, не говорит. Откуда Кикиморе знать. Она ж не провидица. Пусть идет с миром. Не видывала ее, не слыживала. Пальцем не тронула. Вы же видели? Не обидела и до места довезла. А колечко она сама мне отдала... я не забирала. Еще и из болота проклятого спасла. Ты давай. Иди, иди отседова. Все. Вот мост. Пора тебе.

Руками на меня машет, подгоняет. Я с плота слезла, на мост запрыгнула, а она быстро прочь погребла, и до меня ее бормотание доносится:

— Воскреснет и душу из меня выжжет... по клеточке, по сантиметрику... Аспид... жуть жуткая... Сердце в руках несет. Кто бы подумал. Ведь пророчество — слухи, сплетни... нет его.

Я в воду темную посмотрела и вспомнила слова Пелагеи... а нет у меня ни ножниц, ни ножа. Зажмурилась, зубы сцепила и клок волос вырвала, в воду бросила.

— Взываю к тебе, повелительница дна болотного, и весточку от Паланьи принесла вместе с дарами.

Вода всколыхнулась, кругами разошлась, и из-под нее женщина показалась. Вместо волос черные змеи копошатся, извиваются, кожа бело-голубая, и глаза сверкают, как изумруды. Одета в платье из серебряной чешуи, и по груди и рукам кувшинки вьются разноцветные, как ожерелья. Меня увидела и удивленно хмыкнула.

— Ах да Палашка... ах да хитрая, сучка, нашла-таки. Зараза старая.

— Мне цветы живые нужны... быстрее, рассвет скоро.

— Цветы нужны. Всем они нужны. Дай посмотрю на тебя... Выросла, сквозь грязь красоту материнскую видно. Статная, волосы, ах да косы — бирюза, на зависть сестрицам. Далеко же он тебя спрятал... постарался, а ты сама обратно пришла. Удружила Пелагеюшка, ох, удружила. По гроб жизни обязана ей буду. Как узнает Властибор и каменьев мне отсыплет, и позволит вернуться из изгнания.

— Цветы нужны. Говори, что хочешь взамен, и цветы мне дай.

— Кого воскрешать надумала?

— Черного Аспида.

— Аспида?

Ведьма вначале глаза от удивления округлила, а потом расхохоталась так, что вода в реке заволновалась, как в море.

— От него спрятана была... и ему же досталась? Вот оно... пророчество. То ли сбудется, то ли нет... Нашли друг друга.

Ведьма водная проплыла несколько метров и в воду нырнула, вынырнула с другой стороны моста.

— Красивая... как они не признали тебя? Видать, все поверили, что младшая дочь самого владыки водного умерла при рождении.

— Какая дочь? Чья?

— Оооо, так ты у нас еще и не знаешь, какого рода племени сама? Княжна ты всей водной стихии... дочка царская самая младшая, последняя. И это я тебя отцу-батюшке верну. Если выйдет... А не выйдет, тоже неплохо будет. Мне-то мое точно достанется. Не дно морское, так земля под ногами будет.

Она явно радуется, плещется. А мне не до нее. У меня сердце сжимается. Рассвет скоро, не успею Нияна оживить, и все тогда зря было. Плевать, кто я, плевать сейчас на все и на бред ведьмы тоже плевать.

— Мне цветы нужны...

Она к мостику подплыла и руками перепончатыми, как плавники у рыбы, за доски взялась.

— Дам цветы... а ты мне взамен ноги свои отдашь. Хочу по земле ходить, как ты. Снится она мне, земля.

— Ноги?

Сердце замерло... Представила себе, как она мне ноги резать будет, и затошнило меня. Но я выдохнула и руки сцепила.

— Аспиду сердце верну и отдам тебе ноги.

Заплескалась ведьма, заметалась.

— О боги морские, отдаст... добровольно. Отдаст мне... Но я сказать должна. Обязана. А вдруг передумает... надо сказать, — как будто сама с собой говорит, а потом на меня посмотрела, — Навсегда отдашь. А сама в воду уйдешь... к отцу своему, к Владыке. К Властибору. И навсегда с хвостом рыбьим останешься, как и положено русалке.

Я словно задохнулась, стало тяжело дышать, и сердце забилося очень быстро.

— Властибору... я?

— Дочь ты его. Потом все узнаешь. Не мне тебе рассказывать.

— Цветы давай.

Она нырнула в воду и несколько минут не появлялась. А я тревожно смотрела на полоску, светлеющую где-то за макушками деревьев. Ведьма появилась с другой стороны и протянула мне глиняный кувшин.

— Пей... на рассвете твои ноги в хвост превратятся. Не успеешь к воде попасть, иссохнешь за считанные минуты. Тело твое из-за магии человеческого было... а так столько лет без воды. Время вспять повернется и погибнешь.

— А цветы?

— Так вот они, — и руку ко мне протянула, волосы мои тронула. Я вздрогнула и увидела, как в прядях волос завиваются золотистые звездочки, мелкие, как головка булавки. — Зелье я тебе дала. Обратное-живое. Цветка одного хватит... чтобы оживить. Сердце вернешь. Цветок между губ ему положишь и обратно беги что есть мочи к воде. Не то погибнешь. Времени у тебя час от силы.

— А как найти мне его... как?

— Сердце дорогу покажет. Чем ярче сверкает, тем ближе ты к нему.

— А не успею... до рассвета...

— Оба умрете. И... не сбудется пророчество. Может, и к лучшему.

Сказала и под водой исчезла, только хвост в воздухе метнулся.

ГЛАВА 10

Час... он же, как минута, как секунда. Я бегу, ноги в кровь сбила. И все не туда. Сердце то огнем полыхает, то гаснет. НЕ могу дорогу найти. А полоска света над деревьями все ярче, все светлее становится. На тон, на два, на три.

Веди меня, любимое, веди, пожалуйста. побыстрее. Не успею. О себе и не думаю, только о нем. Как представлю, что лежит там. Один. Брошенный. В груди боль разливается сильная, безумная.

Набрела на деревья срубленные, нет прохода дальше. В тупике я. И куда дальше? Сердце полыхает. Только шаг назад сделаю, как гаснет оно... Остается лишь одна дорога — в обход. Тропинка уходит далеко-далеко в сумрак предутренний. От отчаяния кричать хочется. А через деревья не перебраться. Как будто нарочно их здесь в кучу свалили, чтобы я не прошла.

Побежала по тропинке, а она петляет между деревьями, и ни конца, ни края ей не видно. Все светлее и светлее становится. Впереди деревья наконец расступились, и вижу поле с пшеницей, колыхающейся на ветру, как море с волнами. Вскрикнула от радости, побежала быстрее и вдруг, как подкосило меня. Упала на колени и встать не могу. НЕ слушаются ноги. Онемели до самых бедер, висят плетью. Если рукой провести, чувствую прикосновение, а встать не могу. Слезы на глаза навернулись... И как быть? Как дальше бежать? Солнышко, родненькое, подожди, не свети.

Ободрала подол платья, сердце в него положила, вокруг шеи привязала и поползла. Руками отталкиваясь и волоча за собой непослушные ноги. А под ладонями трава острая, как лезвия. Режет плоть до крови. А я не думаю об этом. Вперед смотрю. Как приближается поле. Медленно. Невероятно медленно. Руки напряжения не выдерживают, упать нельзя — сердце на мне. Ползу и плачу, Солнцу молюсь. Обесилела, но остановиться не могу, краем глаза вижу, как кожа на ногах темнеет. И мне страшно. Так страшно, как никогда еще не было. Нет, не за себя. А то, что не успею доползти.

Совсем рядом колосья волнуются, шуршат на ветру, шепчутся, и мне уже видно, как там, на жутком ристалище лежат воины. И кровь черная, драконья ручейками стекает к тропинке. Все войско Нияна здесь осталось... Из-за меня.

— Ниян... мой. Иду к тебе. Иду...

Последними рывками. Быстрее. Из последних сил. Дотянуться, успеть...

Увидела издали доспехи его черные и руки, раскинутые в стороны. Как в видениях моих... как в самых жутких кошмарах. Мертвый лежит. Такой красивый, такой величественный. Вскрикнула, оперлась на руки, подтягиваясь быстрее, не замечая, как от стертых ладоней остаются кровавые следы.

Дотянулась и почувствовала, как все тело свело судорогой, как пересохло в горле, как стало тяжело дышать. Как будто воздух больше не нужен... а что-то другое нужно, но его нет. Мою кожу жжет, мои внутренности горят. Мне кажется, я пересыхаю. Склонившись над мертвенно-бледным лицом Нияна, стаскиваю с себя повязку с сердцем. От одного взгляда на развороченную грудину боль нечеловеческая разрывает на части. Руки потрескавшиеся, сухие тяну к нему. А они дрожат. Сердце горящее в грудину вложила... и плакать не могу. Глаза сухие до адской боли. Смотрю на него и вижу — не бьется. Не трепещется, и огонь все слабее и слабее. Как же хочется заорать, завопить. А я не могу. Голоса нет больше, в горле так сухо, что ни звука не выходит. Только рот открываю... как рыба, выброшенная на песок. Я и есть рыба... не человек, никто.

Кричу ему мысленно. А вдруг услышит. Вдруг связь наша не потеряна... Вдруг обманул меня Вий.

Руками на грудь его опираюсь и вдруг под ладонями ощутила что-то круглое, твердое. За пазухой сбоку в платяном мешочке. Сдернула шнурок, раскрыла — а там кольцо мое. На палец надела, и оно в мою плоть зубьями впилося, вошло под кожу.

"Твоя я, Ниян, твоя только. К тебе пришла и возле тебя смерть свою встречу... Только открой глаза, любимый, пусть сердце твое забьется. Пусть не напрасно все будет"

Кричу, а он не шевелится, и огонь в сердце гаснет, слабеет. В животе что-то дернулось, трепыхнулось, нежно-нежно, как лепестки цветка касаются кожи, и я окровавленную руку к нему прижала, а потом ладонь Нияна схватила. Безжизненную. Холодную. Пусть сына своего коснется. Пусть ошутит, как колотится его сердце.

"Чувствуешь? Сын наш бьется. Умирает за тебя... и я умираю. Любый мой. Неужели напрасно? Неужели не услышишь? Не почувствуешь нас? Мне ведь без тебя до воды уже не добраться..."

Взгляд перевела на свои ноги, а они в хвост срослись. Серебристый, чешуйчатый... дымится хвост

от солнца, как и кожа моя. Из глаз что-то на грудь капнуло Аспиду... Красными каплями. То слезы мои перестали быть человеческими и стали кровавыми.

"Не плачут русалки слезами... кровью плачут" — чей голос сказал, не знаю, только растаял в воздухе голос этот, исчез.

Дыхание прекратилось. Не могу больше ни вдоха сделать. Хватаю ртом... а нет больше воздуха. В глазах темнеет. И сквозь темноту вижу лицо его такое красивое, такое родное и такое бледное до синевы. Не получилось у меня. Всех погубила. И себя, и малыш, и... Нияна не спасла.

Сильнее руку его к животу прижала, голову на плечо склонила, и хватая открытым ртом воздух, почувствовала, как проваливаюсь в черную бездну.

Она змеей между кустами ползла, боялась не успеть. Жаль, не может птицей стать, как волхв проклятый. Только ползать, пока проклятие снято не будет... А снять его только истинный владыка сможет. А она, Пелагея, знала, кто истинным здесь был. И если не успеет дочь царя морского, не сбудется пророчество... Погрузится Навь во мрак. Исчезнет солнце, и все в тень обратится.

Пелагея увидела, как Аспид с диким криком глаза открыл. С воем адским, от которого кровь в жилах застыла. Рывком поднялся и задохнулся... глядя на Ждану, лежащую на нем, почти прозрачную, голубоватую, с синими губами и с тонкой пергаментной кожей, через которую просвечиваются венки. Уже не дышит. Только жабры за ушками перламутровыми раздуваются. Живая еще... но недолго осталось. Считанные минуты. Он мечется, не знает, что происходит. Кричит, приподнимает ее за плечи и, лицо окровавленное, грязное вверх запрокидывая, орет с такой силой, что земля ходуном ходит, и снова к ней. Рука к животу вместе с ее рукой прижата. Чувствует, как малыш бьется, мечется. И кричит Аспид от боли так, что деревья рядом с ним выкорчевываются и на землю с грохотом падают.

Пелагея все силы свои собрала и вновь тенью обратилась. Бесплотной, прозрачной. Времени мало у нее. Особенно когда солнце светит. Магии почти не осталось. Григорина проклятая все отняла.

— Бери Ждану свою и к воде беги. Чем быстрее, тем лучше. Не человек она более... за тебя свою человечность отдала. Русалка. Дочь Властибора, от Аспида среди людей спрятанная. Тебе еще много веков назад обещанная. К воде неси и царю водному верни — тогда выживет.

Когда Аспид на ноги встал, вслед за ним и войско его начало подниматься. Велика сила Черного Аспида. Это дракон-воин. На нем вся армия царства держится. Если на престол взойдет, все головы склонят. Ибо не царь сейчас на престоле, а самозванец.

Со своей ношей на руках Ниян в зверя обратился. Так, что хруст костей оглушил, словно грохот камнепада. Крыльями черными взмахнул и в лапах когтистых ношу свою драгоценную поднял ввысь.

Метнулась тенью за ним... А солнце все выше стремится и лучами своими сжигает маленькую русалочку в хищных лапах. Не донесет Аспид. Иссохнет она... Пелагея на небо посмотрела и руки ввысь подняла. Последние силы, последние крупницы магии доставая из недр измученного проклятием сознания.

Всем телом содрогнулась, и от рук прозрачных вверх волна устремилась. Тучи за клубились из ниоткуда, почернели, собираясь, закручиваясь в грозные вихри с яркими сполохами молний, и дождь полил с такой силой, что деревья к земле пригнулись.

— Давай. Аспид. Неси ношу свою драгоценную. Авось и сбудется пророчество, и свергнем мы Вия ненавистного. А Пелагея плоть обретет.

А сама в вихрь обратилась и по ветру следом за Аспидом понеслась...

Чтобы увидеть, как он над водой крыльями машет, мечется... как когти разжал и ношу свою в недры моря выпустил. А сам кружит над ними, разрезает воздух обсидиановыми лезвиями, мечется. Стонет оглушительно и жалобно. Знает, что навсегда отдал... Не бывать ему под водой морской никогда, а ей на сушу не выйти. Если только...

Аспид на землю упал и, корчась от боли, облик человеческий вернул. Над водой на коленях стоит, в песке утопая, в волосы пальцами скрюченным впился.

— Забирай... пусть только живет... слышишь? Властибор. Жизнь верни ей и сына моего береги.

Никогда Пелагея раньше не видывала, чтоб Аспиды слезы роняли. А сейчас сверкают в песке янтарные капли, сливаются с каплями дождя.

— Забирай. Слово свое обратно беру. Твоя она, Властибор.

Море всколыхнулось и начало от берега отходить, все дальше и дальше. Пелагея сама назад попятилась. Знамо дело, ничего хорошего в этом нет. Если вода от берегов отходит, она потом огромной разрушительной волной на все живое обрушится. Гневается царь морской. Вихрь соленый поднимает. Там, на горизонте растёт смертоносная сила соленой стихии. Напоминает вначале тень, которая увеличивается в размерах по мере приближения. Аспид с колен поднялся и во весь рост встал. Не бежит, не прячется, а у ведьмы Пелагеи сил и магии не осталось, чтобы исчезнуть или в змею обратиться. Смотрит округлившимися глазами на приближающуюся смерть, которая все выше и выше становится, и только губами шевелит.

Волна выросла до гигантских размеров, подкатываясь все ближе и ближе к берегу, и у самого песка застыла, начала опадать, трансформируясь в блестящие серебряные чешуйчатые шлемы, обнажая острые копыта и могучие плечи морского войска. Все одинаковые. Стоят ровно, в шеренгу размером с саму волну, и ни конца, ни края войску не видно. Голубые волосы богатырей развеваются на ветру, кольчуги блестят чешуей, бороды колыхаются ниже груди. Могучие руки сжимают мечи и копыта с щитами. Взвыл порыв ветра, и расступилось войско, и Властибор медленно и тяжело выплывает из пучины морской. В одной руке трезубец блестит, во второй скипетр власти и корона кристаллами морскими переливается, молнии мечутся между острыми краями, путаются в длинных седых волосах, вплетаются в невозможно длинную бороду и уходят в воду, подсвечивая ее неоновым блеском.

— Слово свое забрать не мог... да ты сам мне его отдал. Армию тебе взамен даю. Свергни брата своего и на трон взойди.

— Ждана жива?

— Имя, значит, ей дал... а я ее от тебя без имен спрятал. Чтоб найти было труднее.

— Я нашел.

— Знаю, что нашел.

— Жива или нет?

— Жива. Только запрет на ней, из воды выйти не может... таковы наши законы. За каждый год вне воды — сто лет в воде. Бери войско и ступай, Ниян. Дочь... больно любит тебя. Она попросила. Считаю — мой дар за возвращение дочери.

— Не нужно мне войско твое. Ждану верни.

— Не вернуть ее уже. Кто в воду вошел, обратно не воротится.

Пелагея быстро посмотрела то на царя морского, то на Аспида.

— Воротится. Лжет он. Имеешь право видеть ее. Если наследника носит от тебя. По нашим законам он — будущий царь Нави. А мать его имеет право на землю ступать... только жениться тебе на ней надобно.

Царь на ведьму из-под косматых бровей взглянул и трезубец на нее направил. Молния вылетела, но Аспид руку резко поднял и схватил неоновое копьё. Швырнул на песок, и оно исчезло.

— Видеть Ждану хочу. Сына моего носит.

— Моего внука.

И о дно трезубцем ударил так, что воды всколыхнулись.

— Наследника Нави.

— Трон сначала завойю, а потом внука моего наследником называй. Не жена она тебе. Убирайся, пока не передумал.

— Я Вия без твоей армии завалю.

Развернулся и пошел прочь от берега.

— А когда вернусь, высушу море твое и достану ее с самого дна.

— Не вернешься. Без моего войска не видать тебе победы.

— Значит, сгину.

— Мракомир вернулся... не победить тебе Вия никогда. Гордость свою уйми. Дам дочку увидеть.

Один раз. Если победишь и уничтожишь проклятого красного дракона.

— И это стоит того, чтобы разбить армию Вия или сдохнуть.

Он туда не драться шел. Нет. Он шел разрушать. Стирать с лица земли. Смешивать с грязью и копотью. Его душа была полна черной яростью, глухой ненавистью и болью. И ничто этой боли не уймет.

Когда потерял ее, половина сердца сгорела. Сам сжег. Да... драконы могут убить себя самосожжением, как и он, стоя с ней на руках, понимал, что, если не успеет до воды донести, вспыхнет и разветется вместе с ней пеплом по Нави. И чем тише билось ее сердце, тем сильнее горело его. Так, что дышать от боли не мог. Душа она его. Ему с рождения предназначенная.

И сейчас его сердце горит. Но уже от ненависти.

Не ждал его во дворце Вий. Сбежал. Когда жег его Ниян дотла вместе с войском, не преклонившим колени, вместе с чернью и боярами, присягавшими Вию в верности. Остальные на землю легли и голову руками прикрыли в знак покорности. Огонь и вода. Две стихии сметали все на своем пути, гнали войско в сторону Чар-горы, к самой пропасти.

Нежить под землю ушла. Не выступило войско Мракомира за Вия. Полыхало красными сполохами Межмирье. И скелеты несли дозор на границе. Разграничивая мрак и свет Нави факелами с пурпурным огнем, добытым из недр их Темным Властелином.

Красный дракон теперь мчался к горе. Единственное место, где потеряются могучие силы. И Аспид снова станет человеком. Единственное место, где он может спрятаться от огня и от воды. Куда не ступит нога водного войска.

Воины Властибора пожарище потушили и отхлынули назад, гигантской волной. Аспид у Чар-горы крыльями машет... а на самом пике Вий стоит. В человеческом облике с мечом наголо. Зовет брата на смертный бой.

— Давай биться, брат. По-честному. Один на один. Или ты на меня безоружного в облике зверя напасть решил?

Аспид несколько раз крыльями взмахнул и вниз устремился.

— Сожги его... Испепели. Не ведись на провокацию, Господин, — кричал Врожка и махал руками, — Эх...

Застонал от разочарования, когда Ниян меч из ножен выдернул и на краю бездны пошел навстречу своему брату. Вий скалился, оглядываясь на дышащую магмой пропасть.

— Глупец. Я тебе голову отрублю и скину тебя в самую магму. А потом заставлю Властибора мне ее отдать. Ждану твою. Женой она мне стала.

— Не стала. Иначе связь бы со мной потеряла. И кольцо мое обратно надеть не смогла. Не твоя она и твоей никогда не была. Наследника престола под сердцем носит.

— А ты сначала меня убей, а потом на трон взойдешь. Не одолеть тебе меня, — из-за пазухи сверкающий пузырек достал, глотнул одним глотком содержимое и на глазах у Нияна чешуей покрывается. Не человек и не дракон.

— Попробуй убий меня.

Ниян молча на него с мечом идет, и внутри поднимается вся смертоносная ярость, застилающая глаза, пробуждающая зверя под кожей даже тогда, когда он не может вырваться наружу.

Схлестнулись мечи, зазвенела сталь, посыпались искры огненные в пропасть, и Врожка глаза руками прикрыл. Видит, как мечутся две фигуры на пике скалы, как сверкает лезвие. Как слетел шлем Нияна, и волосы взметнулись над мощным разворотом плеч, как вошел меч Вия в ногу, и Врожка в волосы вцепился. Когти ящера вспороли щеку Нияна. Хохочет Вий, беснуется. Скачет вокруг брата, наносит смертоносные удары. Не победить Нияну тварь эту подлую. Зелье выпил... и нет теперь у Чар-горы той силы над Виём.

Вместе с Аспидом и войско сгинет... Вымрет род целый. Наступает Вий, в глаза Нияну золу горящую бросил, ослепил и почти в пропасть столкнул.

Так и держит над магмой, приставив меч к горлу.

— Попроси пощады, братец. И я просто отрублю тебе голову. И ей подарю. Посмотрю, как слезами умоется, как умывалась, когда сердце твое ей показал.

Ниян изо всех сил ударил брата лбом по лицу, разбивая в кровь, меч за лезвие отобрал и в горло Вия стремительно вогнал. Так, что острие из хребта вышло. Поднял вверх, удерживая над собой, и взгляды братьев скрестились.

Выгнулся Вий, рот открыл, вздохнул, и вихрем сила его огненная устремилась в тело Нияново. Споыхнул силуэт пламенем на несколько секунд, а затем тело Вия полетело в пропасть.

От счастья и радости Врожка заверещал и изо всех сил Пелагею сдвинул в объятиях. Она ему по лбу посохом дала:

— Совсем ополоумел, Скоморох несчастный?

— Дык победа. Слышишь. Владыка наш — Ниян теперь. Царь. Видела, как силушка в него ушла... только наследный истинный может силу забрать и насытиться ею.

Войско Вия начало таять, превращаясь в тлен, рассыпаясь пеплом и исчезая на ветру, пока Ниян шел вниз, весь залитый кровью, испачканный копотью и сажей.

Мимо Врожки прошел тяжелой поступью, а вслед за ним трава клонится, колосья на землю ложатся, птица не смеет ввысь подняться. Плащ черным шлейфом развевается, и огненные маленькие смерчи из-под подошвы клубятся.

И каждая тварь в Нави теперь знает, кто их царь. Кому теперь Навь принадлежит. Черному Аспиду.

ЭПИЛОГ

Только не счастлив он. Нет триумфа и радости. Может, и победил он Вия... а вот Ждану проиграл. К берегу пришел. Меч в песок вогнал и на колени стал, голову опустил. Устал... и только одно желание — увидеть ее. Хотя бы издалека.

— Выполняй обещание, Властибор. Иначе воду твою я сам высушу. Дай мне ее последний раз увидеть.

Мрачно прохрипел, испепеляя взглядом огненным все вокруг. И по воде рябь огненная пошла. Тишина вокруг. Из-за туч луна показалась и тут же скрылась.

Разошлась вода кругами, а он всматривается в нее до боли в глазах. Один раз ее увидеть. Ради этого он бы еще десять Виев похоронил.

— Любимый...

Голос нежный заставил встрепенуться, податься вперед и различить в полумраке кожу ослепительно белую и волосы голубые, вьющиеся по воде и сверкающие в лунном свете.

— Ждана.

К воде бросился, но соль тут же обожгла пальцы. Но он не пошевелился. Только зубы сцепил и всматривается в силуэт с развевающимися волосами. Онааа. Его Ждана. Только еще краше. Глаза слепит красотой, а голосом с ума сводит.

И может он на нее лишь издалека смотреть. Только плохо его знает Властибор и все, кто эти законы прописывал. Не боится Аспид боли.

Встал в полный рост и в воду пошел, стиснув челюсти и кулаки. Шаг за шагом. Преодолевая адские муки. К ней навстречу.

— Не надо... любимый. Не надооо.

А сама к нему плывет. Пока в объятия ее не схватил и не прижал к себе.

— Обнять тебя хотел, Ждана моя.

В губы прохрипел и своими жадно накрыл, а она лицо его руками перламутровыми обхватила.

— Сжалился отец... Раз в году видеть тебя смогу. В этот же день приходи. Ведьма морская мне ноги подарит. А теперь выходи... видеть не могу, как ты боль терпишь. Нам... нам тоже больно.

И живот руками обхватила.

— Сыночек вместе со мной плачет. Год, Ниян... Если дождешься, в тот же день приходи. Сына тебе покажу.

Быстро в губы поцеловала Нияна и под водой исчезла.

— Буду ждать всю жизнь, если потребуется. Ждана моя. Моя ты, слышишь.

И вдалеке в морской глади слышится нежное:

— Твоя... твоя... твоя...

Постскриптум

Дождлся Ниян... Стала дочь Властибора царицей Нави, а сына Святозаром назвали и к людям вынесли, чтобы увидели беловолосого малыша с огненными глазами, с чешуей, пробегающей волной по одной стороне перламутрового личика. Целый день пировали, до самой ночи... пока не исчезла Ждана в темных морских водах вместе с сыном ровно на один год. Чтобы в тот же день снова выйти на берег и в объятиях мужа очутиться спустя двенадцать месяцев. А еще через год еще одного сына подарить.